

АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНА

**АРМЯНСКАЯ
АНОНИМНАЯ
ХРОНИКА
1722-1736 гг.**

Издание второе

Перевод с турецкого и примечания
Академика АН Азерб. ССР
БУНИЯТОВА З. М.

Баку – Элм - 1988

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Азербайджанской ССР*

Армянская анонимная хроника 1722—1736 гг.— Баку: Элм, 1988. — 64 с.
Хроника анонимна. Содержание ее охватывает события 1722—1736 гг., происходившие на территории Армении, Грузии, Азербайджана и сопредельных стран и областей. Материал, приводимый автором хроники, весьма ценен, ибо в большей своей части он не дублируется другими хрониками.
Хроника издана на турецком языке Грантом Андреасяном на основе единственной рукописи монастыря мхитаристов в Венеции. Рукопись нам недоступна (как и самому Г. Андреасяну), поэтому мы знакомим читателя с содержанием хроники в переводе с турецкого языка на русский.

0505040000 — 62
А-----54-88
655(2)-88

(с) Издательство «Элм», 1988.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия	4
Армянская анонимная хроника 1722-1736 гг.	5
Примечания	29

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Во время последней поездки в Турцию в мае - июне 1984 г. мне в Стамбуле преподнесли несколько интересных книг и брошюр, среди которых оказались две армянские хроники XVIII века, переведенные на турецкий язык сотрудником кафедры новой истории Стамбульского университета Грантом Андреасяном*. Одна из этих хроник — «хронология» Петроса ди Саркиса Гиланенца переведена проф. Керопа Паткянном на русский язык и опубликована в Записках Российской Императорской Академии (т. XVII, СПб., 1870).

Вторая хроника анонимна, хотя и имеет подзаголовок «История войн османов против армянских и иранских городов». Как говорит сам Грант Андреасян, он нашел эту хронику в Венеции, в монастыре мхитаристов. Автор ее и место написания неизвестны. Она охватывает события 1722—1736 гг. Начинается хроника описанием захвата Ирана афганцами и свержения шаха Хусейна с иранского престола. Основным же сюжетом хроники являются осmano-иранские взаимоотношения и войны периода правления шаха Тахмаспа II и Надир-шаха.

Хроника эта была повторно переписана монахом мхитаристом Игнатиосом Хачатуряном (ум. в 1780 г.), который не смог полностью разобрать текст, написанный на грубом народном диалекте и заполнил ее поля приписками вроде «место непонятно»; «это выражение на диалекте и непонятно». Из текста видно, что во время описываемых войн в составе иранских войск было много армянских воинов и командиров, и автор фиксирует свое внимание именно на тех сражениях, в которых участвовали армяне.

Автор хроники получал свою информацию от разных людей, отсюда и частые повторы рассказов и путаница [3-4] в датах, часть которых исправлена самим Грантом Андреасяном. Хроника представляет значительный интерес для истории Азербайджана и сопредельных стран и областей В связи с тем, что армянский текст хроники мне недоступен я перевел ее с турецкого языка, расширив весьма краткие примечания Гранта Андреасяна, сделанные им на материале исследований И. Узунчаршылы и Л. Локкарта. [4-5]

Академик Бунятов З. М.

---

*Osmanli-Iran-Rus ilişkilerine ait iki kaynak. Tercume eden ve yayina hazirlayan Hrand D. Andreasyan, Istanbul, 1974.

АРМЯНСКАЯ АНОНИМНАЯ ХРОНИКА 1722-1736 гг.

Бегство шаха Тахмаза¹ от афганцев². Взятие Мцхеты³ османами

После того, как султан Афганистана Махмуд⁴ в 1722 году, во время войны с иранским шахом Хусейном захватил его столицу Исфахан, а самого шаха убил, Иранское государство пребывало в страшном смятении. Из-за отсутствия шахской власти над подвластными землями, ханы отдельных областей стали выступать друг против друга, и в междоусобных войнах страдало население, а земли превратились в заброшенные пустыри. И армянский народ, значительная часть которого находилась под властью иранцев вследствие множества чинимых жестокостей подвергался сильным притеснениям. Народ терпел притеснения не только со стороны воюющих друг с другом беков областей и всеобщего голода, он также подвергался истреблению и пленению со стороны соседних арабских и лезгинских набежников.

В начале этих несчастий, о которых мы будем говорить, сын шаха Тахмаз, которому удалось избежать участи своих убитых братьев и укрыться в городе Экбатаны, известном сегодня под названием Давреж (Тебриз), прилагал усилия для сбора войск, с помощью которых он намеревался сразиться с афганским султаном и освободить Исфахан и трон своего отца. Кроме того, он хотел привлечь на свою сторону беков различных областей. Ему удалось собрать 33-тысячную армию, которую он передал под командование военачальника Фраводона (Фаридун?) и направил против афганского султана. Сам же Тахмаз остался в Тебризе.

Когда армия достигла Хамадана, то к ней по пути присоединились другие войска, и в итоге число воинов достигло 55 тысяч человек. Выступив из Хамадана, армия достигла Исфагана и разбила близ него лагерь. Против них выступили афганцы, разгорелось жестокое сражение, и вскоре поле битвы покрылось телами убитых. Фраводон был разбит, большая часть его войск [5-6] погибла, а сам он с 500 воинов еле спасся и вернулся в Тебриз, к шаху Тахмазу⁵.

Тахмаз, у которого осталось меньше 500 воинов и который пребывал в страхе от возможных бедствий, направил послов к князю города Мцхета Вахтангу⁶ с просьбой о помощи. В послании князю Тахмаз писал: «Жестокий афганец выступил против нашего государства, напал на моего отца, захватил город Исфаган, казнил моего отца и моих братьев и превращает нашу страну в пустыню. Приди ко мне на помощь, и мы изгоним тех, кто посягнул на нашу власть». Вахтанг же ответил, что он не может покинуть свою страну, ибо против него выступили его собственные враги и по этой причине он не может прибыть к нему на помощь. Шах Тахмаз пришел от этого в ярость и приказал правителю одной из грузинских земель князю Мехмед Гули-хану⁷ отправиться и силой доставить к нему Вахтанга.

Узнав об этом, Вахтанг вышел из города с войсками и множеством молодых людей и стал ожидать Мехмед Гули-хана на ровной местности, но видя, что тот задерживается, сам двинулся вперед, чтобы встретиться с ним. Они встретились в местности, называемой по-тюркски Сынык Кёрпю («Разрушенный, мост») и сразились. Вахтанг перебил воинов Мехмед Гули-хана и возвратился в свой город⁸.

А Мехмед Гули-хан, бежавший от Вахтанга, отправился к лезгинам и вскоре направился против Вахтанга с 6 тысячами воинов-лезгинов. Мехмед Гули-хан предполагал, что он ночью нападет на город, ворота которого окажутся открытыми, ворвется в него со своими воинами и в течение короткого времени разгромит его, а католикос Грузии окажет ему помощь в осуществлении этого плана и изменнически передаст город в его руки. Принявший ислам грузин Мехмед Гули-хан обещал отдать католикосу Кахетию, если тот передаст ему в руки Мцхету и Вахтанга. Католикос, имевший власть над некоторыми областями Грузии, преследовал цель включить Кахетию в состав своих владений.

Упомянутый католикос в своем тайном письме Мехмед Гули-хану от 2 мая 1172 (1723) года выражал надежду на встречу в городе, ворота которого окажут открытыми. А Вахтанг ничего об этой измене не знал, и когда один человек сообщил ему обо всем этом и о [6-7] том, что в город придет Мехмед Гули-хан, находившийся там католикос стал так настойчиво уверять, что все это неправда, что Вахтанг поверил ему и не стал беспокоиться. Вместе с тем он держал свои войска в постоянной боевой готовности.

Согласно договоренности принявшего ислам Мехмед Гули-хана с католикосом, последний держал себя как враг Мехмед Гули-хана и как верный друг Вахтанга, чем он и обманывал последнего. В условленный день, до рассвета, лезгины прибыли к городу Мцхета и внезапно ворвались в него. Они рассыпались по городу, убивая всех, кого встречали, и грабили все, что попадало им в руки, в том числе золотые и серебряные вещи. Лезгины совсем не брали пленных, ибо, когда защитники крепости вступили в сражение с набегниками, последние, захватив награбленное, предпочли удалиться из города налегке.

Во время этих беспорядков Вахтанг ничего предпринять не смог и, захватив жену и детей, тайно покинул город и бежал в Московию⁹.

Что касается изменника-католикоса, то, как только лезгины стали удаляться от города, он ушел вместе с ними и присоединился к Мехмед Гули-хану. Затем они стали собирать еще большее число воинов, чтобы снова напасть на Мцхету.

Один из сыновей Вахтанга по имени Шахнаваз¹⁰ со своим отцом не убежал, а, перейдя через границу османских владений, нашел убежище у паши Эрзрума. Паша, принявший Шахнаваза, разузнал у него обо всем происшедшем и сразу же отправил донесение в Стамбул, сообщая султану Ахмеду¹¹ о том, что у него укрылся сын грузинского князя, который из-за нападения лезгин оставил свою страну и ушел в Московию. Поэтому султан может послать войска, захватить Мцхету и присоединить ее к своим владениям.

Султан Ахмед своим фирманом назначил его (пашу Эрзрума) командующим всеми тамошними войсками, приказал ему отправиться в поход вместе с сыном Вахтанга и захватить Мцхету. Поэтому Мустафа-паша¹² во главе 12-тысячного войска двинулся на Мцхету и в июне 1723 года захватил город. После этого паша приказал взять сына Вахтанга под усиленный надзор и поместить его в одном из домов в Мцхете под охраной шести воинов. Один из охранявших Шахнаваза воинов [7-8] был грузином, и так как с сыном Вахтанга, не знавшим турецкого языка, мог разговаривать только он один, то по приказу паши этот воин лично прислуживал Шахнавазу и приносил ему пищу.

Этот охранник сблизился с арестованным принцем и, жалея его, стал придумывать способ для его освобождения. Наконец, однажды, когда другие караульные спали, этот грузин вывел принца из дома, и оба они бежали в Московию. Паша, узнавший об их бегстве, послал вдогонку всадников, но найти их не смогли.

Захват османами Иревана

После захвата в июне 1723 года Мцхеты османы остались в этих местах. В эти дни Сары Мустафа-паша пришел к выводу, что афганский султан после захвата города Исфакана направится на Хамадан, а оттуда двинется в эту сторону. Сообщив об этом султану Ахмеду он высказал предположение, что афганцы могут пойти походом на Иревана, откуда могут двинуться на Мцхету и отобрать ее у османов. В связи с этим падишах сразу же назначил сардаром¹³ Абдулла-пашу, носившего лакаб Кёпрюлю¹⁴ и, передав под его командование 75 тысяч воинов, направил их на Иреван.

После прибытия в Эрзрум Абдулла-паша из-за наступления зимы оставался здесь один месяц, а когда наступил март, он двинул войска в поход и разбил лагерь близ реки Арпачай.¹⁵ После этого для разведки боем он отправил вперед двух эрзрумских военачальников Ялгуза (Явуза?) Хасана и Коч Али с 1800 воинами. Когда эти тюркские воины достигли местности Егивард близ Иревана об этом узнал Иреванский хан Михрали и выступил против них с 12 тысячами воинов. В сражении обеих сторон было ранено и убито очень много людей. Османы перебили более 11 тысяч иранских воинов, а оставшиеся вместе со своим ханом бежали и заперлись в крепости и больше не осмеливались из нее выходить.

Коч Али и Ялгуз Хасан продвинулись вперед, окружили близ Иревана поселок Карпи и приготовились к атаке. Видя это, жители Карпи пришли в ужас, когда стали думать о судьбе своих близких. Верующие стали взывать к милости господ, чтобы их дети не попали [8-9] в плен и не погибли. Затем влиятельные люди Карпи посоветовались между собой и решили отправить к Иреванскому хану человека, который бы сообщил, что османы окружили Карпи. Они стали побуждать его выслать войска для обороны их городка и сами дали слово, что отдадут свои жизни в сражении ради защиты городка и разгрома врага. Однако Иреванский хан, не имевший достаточно сил для собственной защиты, не стал даже, и слушать их призывы. Тогда жители Карпи вместо того, чтобы подчиниться османам, сделали вид, что они готовятся к сражению с ними. Они стали укреплять свои жилища, перекрыли все подступы к городку и, пока не прибыл Абдулла-паша, много дней находились в боевой готовности.

Жители Карпи пошли на такой шаг в надежде на то, что Иреванский хан в конце концов все же пошлет войска на их защиту. Однако хан сидел в крепости совершенно без сил и сам нуждался в помощи. Наконец с помощью Господа положение стало таким: Абдулла-паша не спешил со штурмом Карпи и послал им предложение о мире. Он говорил: «Ведь вы издавна были подданными османов! Зачем же вы сейчас восстали? Что за нужда вам сражаться за земли, над которыми вы власти не имеете? Поэтому возвращайтесь-ка вы к прежнему своему положению и не доводите мои войска до крайности. А я выделю один полк для вашей защиты».

Услышав эти слова, влиятельные люди Карпи стали советовать о том, какое им принять решение, ибо пребывали они между надеждой и страхом. Некоторые из них были уверены, что их обманут и пленят, как только они поверят этим словам и сдадутся. Другие же говорили, что у них нет сил, которые можно было бы противопоставить такой огромной армии. В конце концов они решили дать такой ответ: «Так как мы не можем заставить всех покориться, мы просим дать нам 10 дней отсрочки». И паша, не желая разгрома поселка и превращения его в безлюдную пустыню, принял их предложение.

После этого влиятельные люди Карпи отправили Иреванскому хану Михрали секретное письмо такого содержания: «Мы окружены войсками османов, и у нас нет сил противостоять такому количеству войск. Поэтому мы дали сардару слово, что сдадим Карпи [9-10] через 10 дней». Михрали-хан не одобрил этих действий и потребовал, чтобы они смело вступили в сражение и пообещал прислать им порох и другие необходимые припасы. Для того, чтобы воодушевить их на сражение, Михрали-хан сказал: «Ваш католикос^{15a} отправился к шаху Тахмазу для того, чтобы устранить военную опасность, в которую мы попали. Поэтому вам надо потерпеть до тех пор, пока от него не придут известие и помощь».

И действительно, католикос в те дни по приглашению отправился к шаху Тахмазу, но то, что безбожный хан советовал им по этой причине быть терпеливыми, было советом бесполезным и неумным. Совет безбожного иноземца был попросту наглой выходкой нахального человека, показывающего видимость заботы о нашем попавшем в беду христианском народе. На самом деле совет хана вел к истреблению народа. Если бы он был их искренним стражем, то разве позволил бы гнать их как стадо баранов на убой? Ведь даже если большинство народа и могло бы сражаться, как мог такой жалкий и неукрепленный поселок оказать сопротивление огромной армии! Поэтому влиятельные люди Карпи обсудили создавшееся положение и, не придавая значения словам хана, решили сдаться османам, и для того, чтобы смягчить сердце паши, они приготовили для него подарки из золота, серебра и драгоценных камней и в условленный день отправили их ему с выбранными для этого дела людьми.

Паша спросил у прибывших о количестве жителей Карпи. Они ответили, что их около 6 тысяч человек. Паша сказал: «Если вы решили подчиниться нам с чистой совестью, тогда сдайте оружие, что в ваших домах и что на вас самих». Они приняли эти условия и паша отправил с ними полк воинов, которые собрали все имевшееся в Карпи оружие. После этого паша облачил в почетные одежды четырех влиятельных лиц Карпи — Агабабу, Саркиса, Погоса и Авака. Одновременно паша приказал оставшемуся там полку хорошо охранять Карпи, а сам приготовился к атаке на Иреван.

Выступив из Егиварда, Абдулла-паша разбил лагерь близ Иревана, на повороте канала, в месте, называемом Самбеги (Ямбеги) Далма. Все жители сел [10-11] и поместий в окрестностях Иревана укрылись за стенами города.

Через семь дней после начала осады Иревана, когда османы еще не успели напасть на Эчмиадзин, от падишаха прибыл фирман, в котором паше приказывалось в Эчмиадзин не вступать, воинам запрещалось приближаться к нему и никто не имел права что либо взять или похитить там или причинить кому-либо из его обитателей вред. Это произошло благодаря заступничеству Господа, ибо когда османы пришли на земли, где обитали армяне, живший в Стамбуле некий набожный муж по имени Сегбос¹⁶ - самый известный из всех тамошних видных армян и самый авторитетный при дворе султана своей полезной службой человек обратился к падишаху, чтобы получить его волеизъявление по поводу внимания к армянам и неприкосновенности Эчмиадзина.

И паша, согласно воле падишаха, предостерег войска от нападения на Эчмиадзин и выделил один полк для его защиты.

Католикос Аствацатур в те дни в Эчмиадзине отсутствовал и пребывал в Тебризе при дворе шаха.

Перед началом штурма крепости Иревана Абдулла-паша отправил послов с предложением сдать ее без боя. Однако мухафиз города Михрали ответил, что они неправомочны вести

переговоры о сдаче, что они сообщат своему шаху об этом и что они сдадут крепость, как только поступит приказ.

Поняв, что крепость мирным путем не сдадут, паша приготовился к штурму. Продвинувшись ближе к Иревану, османы начали его обстрел из пушек. В связи с этим Михрали приказал армянам сражаться вместе с иранцами. Они бились с османами 60 дней и перебили большое число их воинов, не давая им возможность проникнуть в город. Видя, что количество его воинов уменьшается, Абдулла-паша послал за помощью к марам (курдам), которые хотя и прислали тридцать пять тысяч воинов, ничего с защитниками крепости поделаться не смогли. Упорное сопротивление горожан и ухудшение состояния армии вынудили Абдулла-пашу приостановить наступление и обратиться к падишаху со следующим: «В этом городе очень много войск, и мы уже потеряли большое число воинов. Каков будет Ваш приказ? Пошлете ли Вы помощь или же нам отойти назад?». [11-12]

В связи с этим падишах приказал паше Кутахьи¹⁷ выступить на помощь Абдулла-паше, и вскоре тот прибыл к стенам города с 10 тысячами воинов. Через три дня оба решили двинуть войска вперед, не ослабляя блокады города. Наутро следующего четверга войска двинулись вперед и вплотную подошли к Иревану.

Когда войска переправлялись через протекавшую перед городом большую реку, именуемую Занги, то от огромного множества переправлявшихся казалось, что река пересохла и в ней вообще не было воды. И хотя переправлявшиеся через реку османские войска и приблизились к городу, дальше пройти они не смогли, ибо находившиеся в городе воины до полудня совершили несколько контратак и не дали им продвинуться. Все сражавшиеся были армянами, ибо иранцы вместе со своим ханом укрылись в цитадели и оставили армян самих сражаться в незащищенной части города.

Во главе этих сражающихся армян стояли Оганес Хиндибегян, Погос Кичибегян, Оганес Карчик и Давид Мирзаджанян. Кроме того, один из жителей города, по имени Григор ночью собрал много армян в монастыре Сурб Саркис, что в квартале (махалля) Дзоракег и обратился к ним со следующими словами: «Что будем делать? Завтра османы всех нас предадут мечу, а женщин и детей наших возьмут в плен».

В городском квартале Конди проживало сто семей богатых и храбрых цыган-христиан. Их главных предводителей Газароса Батуряна, Кылдуза, Давида, Байрама и Петроса вместе с другими пригласили к монаху Григору. Народ вместе со своим монахом стал с плачем умолять их придти на помощь. Газарос сказал монаху: «У меня есть 200 вооруженных храбрых молодцов. Я призову их, и мы с радостью будем сражаться». Вслед за Газаросом выразили согласие сражаться Оганес Хиндибегян, Пиригул, Арзум-бек, Таддеос. Мыгун, Мыкыртыч, Малкус, Николаос, Аветис Сирарпионян, Агазаде, Нури, Зохраб, Алексан, Агам, Галуст, Арам и другие предводители армян. Упомянутые предводители собрали в близлежащих к Иревану селах Паракар, Гугумбет, Каваекрт, Аринч, Цакаван, Аван, Цак и Еникёй 9 тысяч молодых бойцов. Все мужчины этих сел, могущие держать оружие, собрались за стенами цитадели в незащищенной части Иревана. Кроме того, в квартале Эски Реван к ним присоединилось много [12-13] молодых бойцов, собранных в отряды под командованием Пехлевана Никогайоса, Мариамйаноглу Андониоса, Хатунйаноглу Патика и священника Мовсеса. Таким образом, число бойцов, вооруженных мечами и ружьями, достигло 9443 человека. Эти молодые люди, оставив дома женщин, детей и немощных, собрались вместе со своими старшими в квартале Иревана Цоракег, чтобы сражаться за себя и своих жен и детей.

В разных кварталах были выделены отдельные группы для обороны проходов и улиц. Они должны были вступать в сражение, когда вражеские воины начнут проникать вглубь улиц.

Окрестности города утопали в садах и парках. Деревья были посажены здесь давно с целью защиты города. Перед этими деревьями текла река Занги. Из-за этой реки и густых насаждений оружие применять было неудобно, и османские воины не пытались проникнуть в город. Они вели обстрел города с противоположного берега реки, ожидая подходящего случая, чтобы продвинуться вперед и время от времени делали попытки прорваться в город.

Хан Иревана и все вельможи укрылись в цитадели и вели оттуда огонь из пушек, но по мере продвижения османов к городу, огонь из этих пушек стал бесполезным. Хан Иревана взял с собой в цитадель 12 знатных армян с семьями, в том числе Мелик Саака, Ага Вели сына Мелика Агамала, его брата Карапета, Микаэла Бархударяна, Бабаджана Мозракияна и других.

Пока христиане, как уже говорилось, стояли наготове за стенами крепости в ожидании сражения, османы получили из Египта помощь в количестве 3 тысяч воинов. Они разбили свой лагерь близ Еникёя. Эти воины были более храбрыми и отважными. Не получая приказа от главнокомандующего Абдулла-паши, они решили сами ворваться в город со стороны Цоракега, и вслед за ними огромной толпой ринулись вперед и другие войска. Эти воины решили сами

одержав победу и захватить трофеи, и когда они ворвались в квартал Цоракег, его защитники оказались беспомощными и бежали в квартал Агорияц («Мельницы»). Когда об этом узнали цыгане в других кварталах, они бросили туда на помощь 300 мужчин и, ведя огонь с высокой позиции, сумели перебить до 6 [13-14] тысяч вражеских воинов, вынудив остальных бежать. В этом сражении христиане потеряли 1300 воинов.

Абдулла-паша, разгневанный беспорядочными действиями египтян, издал строгий приказ, запрещавший воинам двигаться вперед без его распоряжения. Падишах издал распоряжение о выступлении ему на помощь Сары Мустафа-паши и Реджеб-паши, и Абдулла-паша, зная об этом, пребывал в ожидании подхода войск. Однако не дождав их прибытия, Абдулла-паша вторично бросил своих воинов на штурм со стороны квартала Конди. По этой причине армяне спешно перебрались туда, храбро вступили в бой и обратили врага в бегство. В этом сражении было ранено и вышло из строя 400 армян и 40 цыган, но все они остались живы.

После этого османские воины до прибытия войск указанных двух пашей никаких попыток продвижения вперед не делали. Указанные паши прибыли через 15 дней с 38 тысячами воинов. Обсудив с Абдулла-пашой положение, они решили начать штурм с четырех сторон и ни в коем случае не отступать.

С прибытием двух пашей количество османских войск увеличилось, словно морской песок, и христиан обуял страх от их штурма, который начался со всех сторон. Они поняли, что как храбро они не будут сражаться, все равно им против такой огромной армии не устоять и, не имея никакой помощи, они будут подобны рыбе, попавшей в сети. Поэтому они стали советоваться с монахом Григором о том, что им предпринять. Монах сказал, что надо отправить к османам посланца, который сообщил бы им об их, армян, подчинении и просил бы о перемирии. Но никто не решался отправиться в качестве посла, ибо отправленный ранее послом Арутюн до паши не добрался, — он был перехвачен османскими воинами и убит, потому что воины эти горели желанием разграбить город и слышать не хотели ни о каком перемирии.

В конце концов некто Мирза Алиджанян выразил готовность пожертвовать собой ради общей пользы. Этот человек, нагрузившись подарками, отправился вместе со своим мальчиком-службой в лагерь османов. Когда он приблизился к османам, они схватили его, отвели в укромное место и убили. Увидев, что произошло с его хозяином, мальчик бежал, и хотя за ним [14-15] бросились османы, он прыгнул с обрыва в реку Занги, спасся и, вернувшись, рассказал о случившемся. Пришедшие в крайнее отчаяние армяне решили положиться на милость божью и собрались в церкви, где стали молиться, после чего разошлись по своим местам и стали ожидать исхода событий.

На следующий день, в пятницу, османы снова начали всеобщий штурм и вскоре ворвались в город. Сражение между армянами и османами продолжалось до вечера. В этом жестоком рукопашном бою было пролито столько крови, что воды реки Занги стали красными, а трупный запах был слышен издали.

7 июня 1724 года город был взят османами. Часть армянских воинов была изрублена, многие из них утонули в реке, а женщины и дети были пленены и разделены между османскими воинами. Что же касается хана Иревана и видных армян, укрывшихся вместе с ним в цитадели, то они от всего этого пришли в отчаяние и потеряли уверенность в том, что им удастся удержать крепость. Каждый стал думать о том, как спастись ему самому.

Когда шло сражение между османами и жителями Иревана, находившийся в Тебризе шах Тахмаз выступил из города с 6 тысячами воинов и отправился в Хорасан. Он боялся с таким малым количеством войск идти на защиту Иревана.

Как мы уже говорили, шах отпустил находившегося при его дворе католикоса Аствацатура и разрешил ему отправиться в Эчмиадзин. Когда о его прибытии узнал Абдулла-паша, он вызвал его к себе, оказал ему хороший прием, преподнес почетную одежду, усадил около себя и стал дружески беседовать с ним. Паша три дня угощал католикоса в своем лагере, после чего завел разговор о предстоящей войне и сказал: «Несмотря на то, что мы взяли город, те, кто заперся в цитадели, вместо того, чтобы молить о мире, все еще сопротивляются! Что будем делать?». Католикос ответил: «Я отправлюсь к ним и уговорю их сдать крепость».

Когда хан увидел, что католикос подошел к стенам крепости, он спросил его со стены - зачем тот пришел. Хан послал человека, чтобы узнать от католикоса о новостях касательно шаха Тахмаза. Когда прибывший стал расспрашивать католикоса, тот сказал: «Не [15-16] надейтесь, что вы получите от него какую-либо помощь! Лучше подумайте о своей судьбе!».

Когда хан узнал об этом, то впал в страшное отчаяние. Затем он отправил к католикосу бывших с ним знатных армян Карапета, Саака и Андона, чтобы они разузнали что-либо новое.

Католикос рассказал им о положении шаха Тахмаза и о том, что в случае перемирия паша после сдачи крепости отпустит их на свободу.

Упомянутые армяне вернулись и передали хану слова католикоса, а католикос отправился к паше и попросил его подождать несколько дней, пока в крепости обсудят создавшееся положение. После этого он отправился в Эчмиадзин.

Хан Иревана собрал к себе всех военачальников и спросил их, что делать дальше. Некий Мелкум-бек сказал так: «По-моему лучше договориться о сдаче на условиях нашей свободы, чем сдать через несколько дней сопротивление и крепость, и самих себя!». Находившийся здесь же некий Черчи-баши (глава мелочных торговцев) на это возразил: «Вы должны хорошо знать, что, если мы сдадим османам крепость, они разграбят наши дома и пленят наши семьи. Хотя они сейчас и дают слово отпустить нас на свободу, но как только они возьмут крепость, то сразу же изменят своему слову». Наконец, один из них предложил вызвать католикоса в крепость и узнать о своей судьбе от него лично.

Михрали-хан сообщил находившимся в крепости армянским вельможам мнение командиров и спросил о том, что они думают. Они сказали: «Как прикажете!». После этого хан решил отправить к османам одного армянина, чтобы тот попросил пашу прислать католикоса в крепость еще раз. Иранца они посылать не могли, ибо как только таковой появлялся за крепостными стенами, османы его тут же убивали.

Выбор пал на армянина Андона, которому дали в руки белый флаг и на веревке спустили вниз с крепостной стены, ибо боялись открывать ворота.

Когда Андон попал в расположение османских войск, его повели к паше. Отвечая на вопрос паша - откуда он пришел и куда направляется, - Андон ответил «Я отправлен из крепости, чтобы вручить Вашему превосходительству письмо!». Он вручил паше [16-17] письмо. Прочтя его, паша тут же послал в Эчмиадзин офицера, чтобы доставить в лагерь католикоса

Когда католикос прибыл, паша предложил ему сесть и сказал: «Михрали-хан желает тебя видеть ступай, посмотри, что он скажет!». Не успел католикос дойти до ворот крепости, как его тут же отвели во дворец хана. Собравшиеся там вельможи хотели услышать от него лично о мерах которые им надо предпринять, чтобы спасти свои души. Различными обнадеживающими словами католикос убедил их в том, что словам паша можно верить и что крепость надо сдать.

Католикос вернулся к паше с тем, чтобы дать ему знать о сдаче крепости. Одновременно он упросил его дать письменное заверение в том, что находящиеся в крепости будут отпущены. Паша согласился с просьбой католикоса и даже облачил его в почетную одежду. Затем паша выдал католикосу грамоту о перемирии и послал с ним 3 тысячи воинов для занятия крепости. Католикос приблизился вместе с воинами к крепости и передал туда грамоту. Там прочитали ее, после чего открыли ворота крепости.

Сначала в крепость вошел католикос, который находился на площади до тех пор, пока все воины османов мирно не вошли в крепость. Как только воины вошли в нее, они сразу же захватили орудия¹⁸. Затем Михрали-хан и все вельможи и командиры отправились с католикосом к паше, чтобы выразить ему свою покорность. Паша оказал Михрали-хану достойный прием, после чего приказал вывести из крепости всех. А когда все они вышли, то он сказал им что по желанию султана Ахмеда три иранца - Касим-бек Шихали-бек и Аббас-бек будут отправлены в Стамбул. Всех троих он приказал засунуть в мешок (чувал) в утопить в реке Зангу. Михрали-хана и других вельмож паша отпустил на все четыре стороны.

После того, как все это закончилось и наступило спокойствие, католикос отправился в Эчмиадзин.

Взятие османами городов Хоя и Тебриза

31 августа 1724 года город Иреван был полностью очищен от иранцев, и османские войска оставались [17-18] там до ноября месяца. 6 ноября 1724 года, согласно полученному фирману падишаха, Абдулла-паша начал готовиться к походу на Тебриз и, после полной экипировки, в феврале 1725 года войска выступили в поход. По мере приближения к городу Хою, все жители окрестных сел, среди которых было много армян, укрылись в крепости. Во время осады некоторые знатные армяне из числа укрывшихся в крепости хотели сдать ее османам, однако против этого выступили иранцы, которые стали угрожать им смертью. Поэтому армяне больше голоса не подавали.

Сорок дней османы обстреливали крепость из пушек, и после того, как крепость подверглась большому разрушению, они бросились на штурм и в течение шестичасового сражения иранцы были перебиты, а христиане взяты в плен.

Османский паша пробыл в крепости Хоя 38 дней, после чего начал поход на Тебриз, оставив в Хое гарнизон защитников. В те же дни, как стало ясно из приказа падишаха, полученного Абдулла-пашой, войска Хасан-паши были брошены на Хамадан.

Абдулла-паша по пути на Тебриз захватывал все местности и постепенно двигался вперед. После захвата Маранда и его окрестностей, он прибыл в городок Суфиян¹⁹, который оказался безлюдным. Местные жители, узнав о взятии османами Иревана, бежали в Тебриз.

Затем османская армия прибыла в местность Чор-чур близ Тебриза. Узнав об этом, тебризский хан Алай Гули выступил с многочисленным войском и сразился с Абдулла-пашой, но был разбит и потерял тысячу своих воинов. Сам хан вместе с бежавшими воинами укрылся в Тебризе. Подошедшая османская армия окружила Тебриз.

В течение 60 дней велся непрерывный огонь из пушек и ружей, и почти все деревянные и глиняные постройки города были разрушены. Однако сопротивление Тебриза продолжалось, и Абдулла-паша, приказав усилить обстрел города, бросил свои войска на штурм. Османские воины ворвались в город одновременно со всех сторон, и в результате семидневного сражения было перебито 85 тысяч иранских воинов. Город был захвачен, а его жители, включая женщин и детей, были пленены, а их имущество разграблено²⁰. [18-19]

После всеобщего погрома и наступления затишья, Абдулла-паша устроил смотр своим войскам и узнал, что у него из 158 тысяч воинов осталось только 42 тысячи человек.

Через месяц после взятия Тебриза и занятия его окрестностей османские войска подверглись каре господней: за их бессердечие и мерзости, учиненные в Тебризе, они заболели смертельной хворью. Многие воины умерли от болезни, а многие разбежались, и поэтому численность османских войск весьма уменьшилась.

Когда афганцы, захватившие в 1725 году крупный город Исфахан, узнали об уменьшении из-за смертельной болезни числа османских войск, многочисленная их армия начала поход на Тебриз. Когда они подошли к большому городу Фалхан, в округе которого было 300 сел, то здесь их встретили иранские войска. Сражение между ними продолжалось 40 дней. Афганцы изрубили всех иранцев, захватили 300 сел около Фалхана и, перебив всех молодых людей и тех, кто был способен носить оружие, уменьшили здешнее население наполовину. Видя такое, жители окрестных округов вооружились и укрылись в неприступной крепости Кечи-кале (Козья крепость)²¹. Афганцы осадили эту крепость. Находившиеся в крепости, надеясь на ее неприступность, не сдавались и продолжали сопротивляться. Тогда один из афганских военачальников по имени Зилал (Итимад ад-Даула Зила?), поняв, что без осадных орудий крепость взять невозможно, решил пойти на хитрость. Он отправил в крепость своего человека, через которого передал осажденным, что если они подчинятся, он им ничего плохого не сделает.

Едва посланец подошел к воротам крепости, иранцы привели его к своему начальнику, которого звали Карагёзлю Калбали Касим Ага. Когда Касим Ага спросил у посланца о причине его прихода тот передал ему послание от своего командира. Касим Ага остался доволен содержанием письма и, собрав всех защитников крепости, зачитал им это послание. Защитники крепости поверили написанному и решили сдаться. Вместе со своим начальником они вышли из крепости. Командир афганцев оказал начальнику защитников крепости радушный прием и даже в знак [19-20] уважения надел на него роскошный халат и усадил рядом с собой. Три дня, пока из крепости выходили ее защитники, афганец оказывал радушный прием их начальнику и им самим и говорил, что все они свободны и могут идти куда хотят. Но когда из крепости вышел ее последний защитник, афганцы по приказу командира перебили всех иранцев до единого.

Взятие Хамадана.

После этого командующий афганцев Зилал выступил отсюда и продолжал поход на Тебриз. Бывший в то время ханом Хамадана Рамазан-хан узнал, что перед Тебризом афганцы нападут на Хамадан, и поэтому он укрепил город.

Когда османы брали Тебриз, афганцы находились в Исфахане, и Хамадан ими еще не был взят. Теперь же когда они выступили в поход на Хамадан, они сначала достигли города Дарказин²² в котором имелось 40 тысяч домов. В свое время жители Дарказина были переселены сюда шахом Аббасом²³ из другого места ибо они, как и османы, принадлежали к другому толку ислама²⁴. Афганцы, полагали, что поскольку жители Дарказина одного с ними толка, то они подчинятся, отчего афганцы получают большую выгоду. И когда они прибыли в Дарказин, его жители

действительно встретили афганцев очень доброжелательно. Афганцы оставались здесь несколько дней, но как только они полностью заняли город, они вывели отсюда всех жителей и переселили их в Исфahan. Оставив в своей армии всех отборных юношей, способных носить оружие, они взяли их с собой на осаду Хамадана²⁵.

Когда командующий афганцев вместе со своим большим войском подходил к Хамадану, Рамазан-хан вывел своих воинов из города на равнину Лалин, чтобы встретить афганцев и сразиться с ними. Рамазан-хан был разбит, укрылся в городе и больше из него не выходил. Хотя афганцы и штурмовали город, к крепости они не приближались и начали длительную осаду. Однако поняв, что без пушек и других орудий город они взять не смогут, афганцы сняли осаду, ушли в Фалхан, где и остановились, не решаясь идти на Тебриз.

Абдулла-паша, узнавший о том, что афганцы отошли [20-21] от Хамадана, решил, что они могут вернуться с еще большими силами, после чего пойдут походом на Тебриз, и сообщил об этом падишаху. Падишах отправил четырех гонцов к валию Багдада Хасан-паше и сообщил ему, что назначает его командующим всеми войсками на востоке. Он приказал ему собрать эти войска и идти походом на Хамадан.

В связи с этим Хасан-паша приступил к подготовке большого войска. Отправив посланцев к курдским племенам, он получил от свирепого, с волчьим характером племени Баджилан 7 тысяч воинов, от племени Марджани - 8 тысяч и от племени Абдилаванд²⁶ - 14 тысяч бойцов и, прибавив к ним своих 15 тысяч стал предводителем 44-тысячной армии. Да и сам Хасан-паша был страшным на вид и безжалостным человеком, и все его боялись.

После такой длительной подготовки паша двинулся с этими объединенными силами и прибыл в округ именуемый Казов²⁷. Бек Казова Ахмед-бек оказал паше блестящий прием, и паша оставался здесь два месяца. Хасан-паша потребовал у Ахмед-бека 2400 воинов, и тот от испуга не мог отклонить это требование и, собрав от каждого дома по два человека, отрядил для паши 15 тысяч молодых всадников. Когда они присоединились к армии паши, то в османском войске оказалось 68400 воинов.

Поело этого Хасан-паша направился в сторону Хамадана и, пробыв несколько дней в округе под названием Касра²⁸, отправился в Кирен²⁹, а оттуда - в Керманшах³⁰. Здесь его постигла немилость господа он заболел и через семь дней умер (в феврале 1724 г.).

Оставшись без командующего и пребывая без движения, войска потребовали, чтобы их командующим назначили сына Хасана-паши Ахмед-пашу. Эмиры посовещались отправили в Стамбул гонца, чтобы известить падишаха о смерти их командующего. Прибывшие от падишаха четыре гонца сообщили, что падишах назначил главнокомандующим Ахмед-пашу, сына Хасан-паши, приказав ему двигаться на Хамадан.

Двинув войска из Керманшаха, Ахмед-паша вскоре прибыл в местность, где находился большой караван-сарай, именуемый Бисутун³¹ остановился там. Отсюда он направился в прекрасный городок Сахана³², а [21-22] оттуда в городок с цитаделью Кангавар³³. Здесь все было в запустении ибо все его жители иранцы бежали, испугавшись османов. Отсюда османская армия добралась до городка Сайдова³⁴, в котором иранцы, несмотря на свою малочисленность, оказали сопротивление. Они сражались 11 дней, но все были истребленными мечами.

Захватив упомянутый городок, и его крепость, османские войска продолжали свой поход на Хамадан. Однако дорога была горной и непроходимой, и тащить по ней пушки было очень трудно, а у турок было 60 орудий, включая большую пушку, Арслан топ (Пушка-лев). По этой причине османы повернули назад и по другой дороге добрались до очень бедного села Лаглар. Жители этого села пришли к паше и начали жаловаться на свое жалкое состояние, и паша пожалел их и запретил воинам трогать жителей. После этого он вызвал одного известного офицера - армянина из Сиваса, принявшего ислам, и приказал ему внимательно осмотреть все села в той округе.

Отсюда османские войска направились в другое большое село под названием Салхайва. Жители села от страха перед османами покинули свои жилища и бежали в Хамадан. Османы разбили здесь лагерь и стали ожидать выступления иранцев Хамадана. Однако иранцы не появились, и османы через шесть дней двинулись в местности, именуемой Еничай, которая находилась в получасе ходьбы от Хамадана.

В это время военачальник Хамадана по имени Рамазан привел свои войска в боевую готовность, вывел их из города и вступил в сражение. Оно состоялось на равнине, именуемой Лалин. Как говорят, количество иранских воинов составляло 300 тысяч человек. Османы встретили иранцев мечами и ружейным огнем. Иранцы трижды выходили из Хамадана и вступили в сражение, но успеха против османов не достигли и в конце концов заперлись в городе. Османы обложили город со всех стран и открыли огонь из всех орудий. Вскоре все деревянные постройки в городе были разрушены.

Сражение длилось 54 дня, но город взят не был. На 55-й день, в понедельник османы со всех сторон бросились на решительный штурм города. Огромные [22-23] массы османов, сотрясая все вокруг страшными криками, устремились вперед, к городским стенам. Защитники крепости открыли ураганный огонь по османам, которые падали на землю, словно побитые градом листья деревьев. По этой причине османы не могли взобраться на стены и были вынуждены возвратиться назад, в свой лагерь.

Когда паша стал пересчитывать своих воинов, то оказалось, что в сражении османы потеряли 12 тысяч воинов. Паша приказал вести непрерывный обстрел крепости из пушек. 35 дней обстреливали османы город из 60 пушек, но все равно взять его не смогли. Поэтому паша принял решение устроить под стенами подкоп, начинить его порохом и взорвать стены. Для производства подкопа к паше был вызван специалист по подкопам - эрзрумский армянин по имени Кара Бибер. Он возглавил группу саперов, и за 11 дней подкоп был сделан. Затем его заполнили порохом, и после того, как все было подготовлено, в пятницу произвели взрыв. Стена рухнула и половина крепости взлетела на воздух. Османские войска бросились вперед и, ворвавшись, словно поток, в крепость, рубили мечами всех, кто попадался им навстречу.

Начальник крепости скрылся в укромном месте и спас свою шкуру. Хотя, защитники крепости под командованием Али Шахбаза, Али Кирпита и Али Хасан-бека еще семь дней после взрыва оказывали упорное сопротивление, но ни крепость, ни самих себя уже спасти не могли³⁵. Османы уничтожили их и награбили бесчисленное количество сокровищ, в том числе золото и серебро, тем более, что в Хамадане проживало множество богатых купцов, которые выбрали этот город своим местопребыванием. Воины убили в караван-сараях всех купцов из Мултана³⁶, торговавших шелком, и награбили огромное количество денег, припрятанных в сундуках, комодах и подземельях. В караван-сараях по земле и по полу было рассыпано столько денег, что их уставали собирать.

После того, как османские воины перебили всех, кто им попадался на глаза, они стали хватать безоружных людей и таким образом пленили бесчисленное количество мужчин, женщин и детей, а стариков и малолетних детей они убивали ибо считали, что эти будут их только обременять. Они взяли в плен много понравившихся [23-24] им армян, которые укрывались в церквях, не оставляя в живых тех, кого они не брали в плен. В результате османские воины отяжелели от захваченных трофеев и пленных.

После того, как закончилось это страшное побоище и повальный грабеж, паша приказал вывезти из города трупы убитых иранцев, ибо из-за их разложения возникла угроза эпидемий.

Вместе с османской армией в Хамадан прибыли шесть крупных армянских купцов. Все эти уважаемые люди, которых звали Хаджи Аругюн, Матеос, Манасе, Масих, Вардан и Бедрос, обратились к паше со следующим: «Наш народ с древних времен всегда и везде подчинялся вашему государству, и мы всегда были аккуратно платившими дань рабами. А так как вы являетесь господами и покровителями нашего народа, мы уважаем вас и гордимся честью вашего государства. В этот весьма радостный для нас день вашей великой победы мы умоляем вас подарить нам пленных из числа нашего народа».

Паша пошел навстречу их мольбе и приказал отпустить пленных армян. Этот поступок паши явился причиной огромной радости, но не для всех, ибо на свободу была отпущена только часть пленных.

Пробыв в Хамадане год, Ахмед-паша отправился в Багдад. В 1727 году султан Ахмед отправил Кара Мустафу-пашу в Хамадан, а Ахмед-паше приказал атаковать как вы являетесь господами и покровителями нашего народа, мы уважаем вас и гордимся честью вашего государства. В этот весьма радостный для нас день вашей великой победы мы умоляем вас подарить нам пленных из числа нашего народа».

Паша пошел навстречу их мольбе и приказал отпустить пленных армян. Этот поступок паши явился причиной огромной радости, но не для всех, ибо на свободу была отпущена только часть пленных.

Пробыв в Хамадане год, Ахмед-паша отправился в Багдад. В 1727 году султан Ахмед отправил Кара Мустафу-пашу в Хамадан, а Ахмед-паше приказал отправиться в Багдад. В этом же году афганцы прислали Кара Мустафа-паше гонца с письмом, в котором говорилось: «Хамадан должны были захватить мы. Почему же вы вторглись в Иран и силой захватили город? Возвратите нам город, на который мы имеем все права, иначе мы пойдем против вас походом и отберем у вас Хамадан силой!».

Когда Ахмед-паша сообщил об этом падишаху, падишах тут же приказал ему выступить с большой армией против афганцев. И действительно, падишах в приказе сообщал Ахмед-паше, что присоединяет к его армии войска 30 пашей и назначает его сардаром. Ахмед-паша сразу же

приступил к экипировке своих войск и до прибытия 30 пашей набрал в свое войско много рекрутов из Багдада. Один из состоятельнейших людей государства шейх Назир обеспечил рекрутирование 34 тысяч арабских воинов, а через четыре месяца [24-25] прибыли 30 пашей со своими войсками. Количество воинов, включая курдов, арабов, османов и других, достигло 300 тысяч человек. Выступив со своей армией против афганцев, Ахмед-паша достиг местности, где находилось село под названием Кызрабад и разбил здесь лагерь. Он разделил свою огромную армию на три части. Во главе одной части стал он сам и, назначив командиров других частей, он выслал их вперед в различных направлениях.

Ахмед-паша пушек с собой брать не стал. Он оставил их в Хамадане для укрепления его оборонительной мощи. Да кроме всего прочего он был вынужден двигаться против афганцев весьма стремительно.

Когда Ахмед-паша находился в пути, он получил от Кара Мустафа-паши донесение, в котором сообщалось, что афганцы приблизились к Хамадану и хотят окружить город, и поэтому он просит Ахмед-пашу срочно прибыть на помощь. В связи с этим Ахмед-паша ускорил свое продвижение и, пройдя множество округов, прибыл в окрестности Хамадана и разбил лагерь в местности, называемой Зафран³⁷. Кара Мустафа-паша, узнав о прибытии Ахмед-паши, устроил ему торжественную встречу.

Ахмед-паша не стал входить в Хамадан, остановился в близлежащем селе Лалин и отправил отсюда к афганцам гонцов с известием о том, что он ожидает сражения с ними. Афганцы арестовали гонцов. Узнав об этом Ахмед-паша сразу же бросил войска против них, достиг Марманда, но афганцы в сражение не вступили. Ахмед-паша продвинулся дальше и стал ожидать афганцев между Фалханом и Сангваном.

Османских воинов было так много, что они с трудом узнавали друг друга. Османы простояли там шесть дней, и лишь после этого прибыли большие силы афганцев, и между двумя армиями началось сражение. Вначале афганцы были разбиты и побежали, но во втором сражении они разгромили османов, заставив их бежать до самого Хамадана³⁸.

Среди войск ходили по этому поводу различные слухи. Некоторые утверждали, что с небес на них полился огненный дождь, другие говорили, что на них напало много ядовитых змей, а третьи говорили, что во время сражения земля казалась им безбрежным морем. Османская армия была разгромлена из-за [25-26] таких вот невероятных обстоятельств. А некоторые из османских воинов считали, что афганский султан был весьма искусным чародеем, и это было причиной замешательства в рядах османов.

Однако, по нашему мнению, самой вероятной причиной поражения было следующее: афганцы, не в пример иранцам, принадлежали в тому же толку ислама, что и османы, то есть были суннитами, и османы, видя, что сражение ведется не конкретно за какой-то город и добыча каких-то трофеев и пленных не предвидится, не стали вступать в бой со своими единоверцами и обратились в бегство. Кроме того, афганский султан носил эмирское звание своего отца как имя и назывался Эмир Вейс. А народ считал его настоящим эмиром, то есть превратил его почти в пророка и поэтому Эмир Вейс был весьма почитаем и поднять на него руку считалось делом грешным. Именно поэтому воины, рассказывающие об упомянутых чудесах, соотносили их с этими страхами, что подняв на эмира руку, они совершили бы грех, и поэтому связывали свое поражение именно с этим³⁹.

Видя, что паника эта привела к бегству его армии, Ахмед-паша распрощался с мыслями о победе. После совещания с эмирами Ахмед-паша сообщил падишаху о царивших в войске беспорядках и нежелании воевать и просил у падишаха соизволения на заключение перемирия с афганцами. Падишах согласился с этим и приказал заключить мир. Поэтому Ахмед-паша отправил к афганскому султану посла, который сообщил ему о желании падишаха заключить перемирие. Султан афганцев оказал послу османов блестящий прием и после подписания договора о мире, он, в свою очередь, отправил в Стамбул одного из своих вельмож Билудж Мехмеда с очень ценными подарками и большим слоном для падишаха османов.

Посол двигался по дороге через Багдад, Сирию и Анатолию очень медленно и делал много остановок. Посол еще не добрался до Стамбула, когда Эмир Вейс умер и его место занял Султан Ашраф⁴⁰.

Эмир Вейс (Мир-Вейс) был человеком зловещим и колдуном и он кончил свою жизнь, помешавшись на дьявольщине и кусая самого себя.

Султан Ашраф отправил своему послу, который еще не добрался до Стамбула, письмо, в котором [26-27] сообщалось о том, что сын шаха Тахмаз Гули⁴¹ собирает в Хорасане войска и готовится к нападению. Поэтому послу предписывалось срочно добраться до Стамбула и, не задерживаясь там долго, возвращаться назад. Посол оставив в дороге слона и тяжелые выюки,

быстро добрался до Стамбула, где ему был оказан блестящий прием. Посол был допущен к падишаху и вручил ему подарки. Падишах остался весьма доволен подарками и сам вручил послам ценные подарки и одарил их почетными одеждами согласно их положению в табеле о рангах.

Вместе с послом следовали 100 афганских конников и 15 мастеров-колесников армянского происхождения. Как нам разъяснили, на спинах следовавших с ними верблюдов находились маленькие колесные пушки, стрелявшие снарядами весом в полтора литра⁴².

Пробыв в Стамбуле 60 дней, посол выехал в Исфахан к своему господину. Однако за время его пребывания послом, в Исфахане произошли большие перемены. Умер Эмир Вейс, его место занял шах Ашраф, а затем Исфахан отобрал шах Тахмаз, усилившийся за счет Гули-хана. И когда посол добрался до Хамадана, он получил из Исфахана письмо, где говорилось о взятии Исфахана шахом Тахмазом сыном шаха Хусейна и о разгроме афганских войск. Получив эту печальную весть, посол не пожелал возвращаться в Исфахан и отправился в Хамадан. В конце концов, как мы уже отмечали, будучи высокопоставленным чиновником, он предпочел перейти на службу к шаху Тахмазу, который оказал ему большой почет и возвратил ему все его прежние привилегии.

Взятие шахом Тахмазом Исфахана с помощью Гули-хана и его восшествие на престол своего отца

Как мы уже отмечали, шах Тахмаз сын шаха Хусейна сделал попытку вернуть захваченный афганцами отцовский престол. Афганцы с помощью интриг сумели разобщить иранские ханства: часть ханов занялась укреплением личной власти, а часть была разобщена, так как их земли были захвачены афганцами. Будучи фактическим главой иранцев, шах Тахмаз призывал их к единству и взаимной поддержке как [27-28] членов одного государственного организма. Однако ханы его призыву не подчинялись. Только через несколько лет шах Тахмаз сумел провести свой замысел в жизнь с помощью умного и храброго по молодости воина по имени Тахмаз Гули.

Теперь, когда шах Тахмаз убедился в способностях Тахмаз Гули, он вызвал его в 1728 году к себе и назначил верховным главнокомандующим своих войск. Гули-хан сказал шаху: «Я подчинюсь Вашему приказу при условии, если Вы выполните одно мое желание. Оно таково: всю полноту государственной власти Вы передаете мне. Вы будете только с честью занимать свой престол, в военные дела вмешиваться не будете и все перепоручите мне».

Шах Тахмаз, веривший в преданность Гули-хана, согласился с его требованиями⁴³. После этого Тахмаз Гули экипировал свои войска и стал готовиться к войне с афганцами и непокорными иранскими ханами. Начав войну, Тахмаз Гули стал занимать один за другим города и области Ирана⁴⁴ и, продвинувшись до Исфахана, разбил лагерь в ближайшей долине. Узнав об этом, султан Ашраф выступил против него с многочисленным войском. Обе армии сражались много дней, так, что долина заполнилась телами убитых. Афганцы были разбиты и бежали, укрывшись затем за стенами Исфахана. Гули-хан продвинулся вперед и осадил город.

Однажды, когда Гули-хан стал готовиться к штурму города, афганцы ночью скрытно покинули город через потайные ворота и, захватив с собой всю казну, бежали в свою страну.

Когда Гули-хан приказал войскам начать штурм города, он, не видя перед собой врага, распорядился, чтобы воины подошли к городским стенам, но и после этого он не заметил никакого движения внутри города. Воины взломали ворота, вошли в город и никого там не нашли. И тут им все стало ясно.

Так был взят Исфахан, и шах Тахмаз занял отцовский престол⁴⁵. А бежавший афганский султан отправился в город Шираз⁴⁶, где находились его военачальники Зилал и Зафран с 6 тысячами воинов. Зафран выступил из Бахтияра⁴⁶, который находился на расстоянии трех дней пути от Шираза, и разбил лагерь на берегу протекавшей близ Шираза реки Аб-и Кур⁴⁷. [28-29]

Прибывший сюда Гули-хан напал на его войска и перебил их всех. Зафран бросился бежать, но был настигнут воинами Гули-хана на мосту. Зафран бросился в реку, переплыл ее и спас свою душу. А Гули-хан вместе со своими войсками достиг Шираза, но в город входить не стал и разбил лагерь невдалеке. Афганцы, узнав о прибытии Гули-хана, вышли из города, и разгорелось страшное побоище. Афганцы были разбиты и бежали.

Гули-хан, закончив дела, связанные с Ширазом, бросил войска на Йезд⁴⁸, где находилось много афганцев. Вместе с ними в Йезде находился один османский паша по имени Тимур⁴⁹. Когда он узнал о подходе Гули-хана, то вместе со своей сотней покинул Йезд и отправился в Хамада, где находилось основное османское войско. В город он не вошел и остановился со своей сотней близ города, в разрушенной крепости Захдаран, отремонтировал ее и заперся в ней.

Выступив из Шираза, Гули-хан направился на Йезд, сразился с афганцами и многих из них истребил. Из этого сражения спаслись только те, кто сумел бежать.

Гули-хан оставался в Йезде 24 дня, а потом снова отправился в Исфахан. Когда об этом узнал шах Тахмаз, он отправил к нему гонца с сообщением, что племена бахтияров нападают на села, грабят население и угоняют его в плен. Поэтому он просит Гули-хана выступить против бахтияров.

Гули-хан добрался до бахтияров после 14-дневного перехода, сразился с ними и разгромил их. Шах Тахмаз очень обрадовался этому и послал Гули-хану роскошную почетную одежду. После этого Гули-хан сообщил шаху Тахмазу, что он собирается выступить против племен Девиз и Сусдер, которые восстали против иранского государства и захватили 26 сел. В ответ шах Тахмаз сообщил ему, что он может громить всех, кто выступает против его государства и наносит ему ущерб. Гули-хан 14 дней сражался с этими племенами, одолел их и перебил большую часть их людей. Пленив 15 тысяч дворов из этих племен, он отправил их на поселение в хорасанский Мешхед⁵⁰. Шах Тахмаз весьма обрадовался этому и приказал разукрасить города и устроить многодневные торжества.

Вначале большие племена бахтияров, девил и сусдер были союзниками и помогали друг другу, но затем [29-30] между ними начались раздоры, и когда Гули-хан напал на них, они друг другу уже не помогали. И поэтому Гули-хан только с 7 тысячами воинов сумел разгромить эти племена каждое в отдельности.

Сообщив об этих своих победах шаху Тахмазу, Гули-хан уведомил его, что намеревается идти походом против османов. Однако шах Тахмаз просил его не делать этого, ибо он отправил к ним посланца с требованием возвратить города, захваченные османами во время междоусобиц в стране. Пока ответа на послание не поступало, и поэтому он просит Гули-хана немного повременить с походом.

Действительно, шах Тахмаз после восшествия на отцовский престол отправил османскому султану послание, в котором говорилось: «Возврати города, которые ты захватил во время тирании афганцев, ибо сейчас, с помощью Аллаха, афганцы изгнаны из страны, Исфахан взят мною, и я восстановил власть своих предков». Шах Тахмаз одновременно отправил посла к московскому царю с требованием возвратить Гилян⁵¹.

Османский султан не хотел безвозмездно возвращать города, которые были завоеваны его войсками. Поэтому он тянул с ответом на послание шаха. А московский царь ответил так: «Я занял твои города, чтобы охранять их от захватчиков. Я уже понес большие расходы по завоеванию Гиляна и его охране. Если ты возвратишь мне потраченные мной 80 тысяч туманов с процентами, то я немедленно освобожу города».

Шах Тахмаз дал согласие погасить свой долг, и москвиты заключили с Ираном соглашение, по которому они возвратили Гилян и вернулись в свою страну.

Захват иранцами Хамадана

После того, как афганцы были полностью изгнаны Гули-ханом из Ирана, шах Тахмаз направил в Стамбул к османскому падишаху послов с требованием возвратить захваченные ими иранские города.

В это время пашой Хамадана был Абдурахман-паша. Когда он узнал, что Гули-хан ведет подготовку к походу на Хамадан, он тут же сообщил об этом султану Ахмеду. Падишах приказал ему готовиться к сопротивлению и обещал прислать подкрепление. Он приказал паше Амида⁵² набрать войско и отправиться с ним в Хамадан. Паша Амида собрал в области Муш⁵³ 35 тысяч курдских бойцов и отправился с [30-31] ними в Хамадан. Вместе с этим подкреплением в османской армии оказалось 45 тысяч воинов.

Падишах османов арестовал прибывших к нему послов Ирана и тянул с ответом на послание шаха до тех пор, пока не закончил подготовку армии к войне.

Паша Хамадана Абдурахман-паша вторично обратился к падишаху и сообщил ему, что у него очень мало войск, чтобы выставить их против иранцев. Поэтому падишах приказал паше Урфы⁵⁴ отправить в Хамадан войска. Паша Урфы направил в Хамадан 7 тысяч курдских воинов под руководством командира по имени Токмак. Когда эти войска прибыли в Хамадан, то Абдурахман-паша приказал им занять позиции в местности Нихавенд, расположенной в трех днях пути от иранского города Улукерд⁵⁵.

Гули-хан, узнавший, что падишах османов арестовал его посланцев, понял, что османы мирным путем захваченные города не отдадут, и поэтому решил готовиться к войне. И когда он

собрал достаточное количество войск, то двинул их на Улукерд, расположенный поблизости от Нихавенда, где находились османские войска.

29 дней оставался там Гули-хан, не объявляя войны, после чего обратился к Абдурахман-паше с требованием возвратить Хамадан мирным путем, ибо он был захвачен османами во время беспорядков, возникших в Иране. В противном случае он обещал захватить город силой. Абдурахман-паша попросил дать ему 10 дней на раздумье. Причиной задержки им ответа было следующее: в то время вторым человеком в государстве Османов после султана был садразам Али-паша⁵⁶, который тайно написал Абдурахман-паше, паше Тебриза Ибрахиму и паше Зунуза Хусейну о том, что в секретном послании падишаха предписывалось сдать эти города без боя, как только Гули-хан начнет осаду. Абдурахман-паша, зная о том, что Гули-хан, закончив подготовку войск сразу же начнет наступление, по совету Али-паши и попросил для сдачи Хамадана 10 дней отсрочки.

Что касается причины секретного распоряжения Али-паши, то оно заключалось в следующем: если бы он отдал это распоряжение открыто, то его противники [31-32] восстановили бы падишаха против него и потребовали бы его отставки. А если падишах на его отставку не согласится, то тогда была бы опасность свержения падишаха с престола.

Паша Керманшаха Джин Хасан-паша и запершийся в крепости Захдаран Тимур-паша, были в неведении относительно секретного приказа садразама. Тот не писал им потому, что оба они не были верными ему людьми.

По просьбе Абдурахман-паши Тимур-паша прибыл со своими 6 тысячами воинов в Хамадан. Однажды во время военного совета Тимур-паша предложил Абдурахман-паше взять пушки из крепости и совершить внезапное нападение на иранцев, чтобы помешать им окружить город. Абдурахман-паша ответил: «Пока не будет приказа падишаха или садразама, мы не смеем снимать орудия с крепостных стен и нападать на Гули-хана. Садразам приказал мне: «Ты оставайся в крепости, а если вдруг прибудет Гули-хан, тогда ты брось против него Тимур-пашу с 6 тысячами воинов. Сам же оставайся в крепости и защищай ее».

И действительно, после военного-совета Абдурахман-паша бросил Тимур-пашу и его воинов на приближавшегося к Хамадану Гули-хана. Тимур-паша выступил со своими воинами и разбил лагерь на берегу реки Алимунш близ Улукерда. Гули-хан, узнав о подходе Тимур-паши, выставил против него 12 тысяч воинов. Сражение между ними длилось три часа. Они убивали друг друга до тех пор, пока воины Тимур-паши не были разбиты и ночью бежали в Хамадан. Отсюда Тимур спешно подался в свою крепость Захдаран и укрылся в ней. А Абдурахман-паша, узнав о результате сражения и бегстве Тимура, прихватив свой гарем и семью, оставил Хамадан и бежал вместе с 45-тысячной армией. Наутро в городе не осталось ни одного османского воина - все они разбежались, в разные стороны.

Гули-хан, считая, что Тимур-паша снова соберет войска и возникнет опасность новых затруднений, стал преследовать его до самой крепости Захдаран. Однако Тимур бежал оттуда и укрылся в Тебризе, который тогда был в руках османов. В руки Тимура попало письмо Али-паши Абдурахману и двум другим пашам в Хамадане, в котором предлагалось сдать город [32-33] прибывшему Гули-хану без боя. Тимур держал это письмо у себя и два месяца не показывал его паше Тебриза.

Когда Гули-хан увидел, что Хамадан оставлен османами, он вошел в город⁵⁷. Несколько дней в городе искали оставшихся османов, которых затем приводили к нему, и он приказывал убивать их всех. Во время своих поисков иранцы схватили также прибывших из страны Османов пятерых христиан - четырех армян и одного сирийца (айсора). Это были Сарухан, прибывший из Багдада, пиротехник Кара Бибар, прибывший из Эрзрума, купец Торун из Муша, Ханна из Стамбула и сириец Абди. Гули-хан стал допрашивать этих людей и выяснять - кто они и откуда. Они сказали, что являются купцами и это могут подтвердить такие-то и рассказали, что у них за товары и сколько их. Когда стали расспрашивать о ценах на товары, то Сарухан из Багдада сказал, что привез для продажи в армии много шелковых и других товаров, что один из воинов взял шелка стоимостью в 6 кесе⁵⁸, покрывал, стоимостью в 24 кесе, мехов, шубу и ткани - на 16 кесе, но денег не заплатил. По приказу Гули-хана человека, взявшего товары, разыскали. Гули-хан забрал товары себе и отправил домой. А армянскому купцу сказал в утешение: «Я тебя не убью! Ты свободен и можешь отправляться куда захочешь. Но товаров я твоих не верну, ибо их мне подарил Аллах. Иди с миром! Пусть Аллах даст тебе снова!».

Гули-хан конфисковал товары и других христиан и, передав их одному хамаданскому армянину по имени Манасе, приказал ему обеспечить их продуктами пока они будут в городе, а когда они захотят уехать, то отпустить их с миром.

Через несколько дней все эти люди отправились к себе на родину.

Захват иранцами Тебриза

Пробыв в Хамадане около одного месяца, Гули-хан двинулся с 15-тысячным войском на захват города Зунуза⁵⁹ и вскоре взял этот город. В городе проживало много богатых иудеев. Гули-хан подверг их пыткам и отобрал у них 256 туманов. Таким же путем он пытал я живущих в Иране тюрок и отобрал у них, в соответствии [33-34] с их богатством, по 50, 60 и 100 туманов. После этого он стал сильно упрекать карабахского хана Сыфан (Субхан?) верди за то, что тот во время вторжения османов в земли Ирана, вместо того, чтобы защищать города, сдал их туркам. Он хотел даже казнить хана, но по просьбе его близких друзей-ханов Гули-хан помиловал его, взыскав с него три тысячи туманов. После этого Гули-хан, оставив для охраны города Зунуз две тысячи воинов, сам во главе 18-тысячного войска двинулся на Тебриз.

Достигнув местности Сакыз⁶⁰, находящейся на расстоянии 6 дней пути от Тебриза, Гули-хан оставался здесь три дня.

Когда османы узнали о приближении Гули-хана к городу, Тимур-паша сказал паше Тебриза: «Мы узнали, что Гули-хан, идущий на нас походом, уже совсем близко. Давай, мы выведем из города войска и отбросим его назад до того, как он приступит к осаде города». Паша Тебриза с удовольствием принял это предложение и стал готовить армию. Но пока они занимались подготовкой войск, Гули-хан к вечеру третьего дня привел свои войска в готовность, сел на коня, и, двигаясь без остановок, к полудню следующего дня покрыл расстояние равное шести дням пути. Его внезапное появление у границ Тебриза заставило всех удивиться. Османы, предполагавшие, что Гули-хан прибудет через шесть дней, выступили из Тебриза в сторону Маранда⁶¹ и противники вступили в сражение здесь.

Тебризский паша Мустафа тайно бежал с поля боя, и Тимур остался в крепости с 6 тысячами воинов один на один с иранцами. Семь дней упорно бился он вместе со своими свирепыми и храбрыми воинами из Лура, Арванида и других местностей. И действительно, поразительным было такое продолжительное сопротивление 6 тысяч османских воинов 10-тысячной армии иранцев. С обеих сторон погибло множество воинов. Тимур-паша, видя, что из 6 тысяч воинов у него погибло 3 тысячи, расстался с мыслями о победе и стал искать какие-то пути для спасения. После проверки наличия воинов, он обратился к своим тысяцким (бинбаши) со следующими словами: «Вы видите, что у иранцев войск больше, чем у нас, и нашими силами спасти город невозможно. Не следует ожидать какой-либо пользы от того, что мы [34-35] будем сидеть в крепости взаперти, ибо город рано или поздно уйдет из наших рук. Так зачем же наши воины должны гибнуть попусту. Давайте выйдем из города и сразимся в открытом поле, и если мы победим, то город останется в наших руках, а если победят они, то мы уйдем в Иреван и спасем свои души!

Тысяцкие согласились с этим, и Тимур-паша оставив большую часть войск в крепости, вышел с остальными из города, чтобы сразиться с Гули-ханом. Сам Тимур-паша был в кольчуге, конь его тоже был укрыт броней. Произошло жестокое сражение между 2800 османами и 18-тысячной армией иранцев. Большая часть османов погибла, и Тимур-паше удалось бежать в Иреван только с 300 воинами⁶².

Тимур нашел тебризского пашу, который бежал и бросил его одного. Он хотел убить его, но тому удалось скрыться.

Гули-хан, взявший Тебриз, приказал перебить всех обнаруженных в городе османов. Он разрушил до основания все укрепления, возведенные османами в Тебризе. Сам он оставался в Тебризе два месяца, пока не собрал 37-тысячную армию для похода на Иреван.

Падишах османов ничего не знал о всех этих происшедших с его армией событиях и о том что причисленные города попали в руки иранцев. Знало обо всем этом только садразам, ибо, как мы уже говорили приказ трем пашам о сдаче городов иранцам отдан им самостоятельно.

Осада и взятие Герата

Когда Гули-хан, находясь в Тебризе, собирал войска для похода на Иреван, который находится в 12 днях пути от Тебриза, пришло сообщение о том, что тысяч афганцев готовятся выступить из Герата⁶³ для похода на Мешхед. Подробно изучив это сообщение, Гули-хан отказался от похода на Иреван и направился на Хорасан, на Мешхед. Он оставался там несколько дней, привел войска в порядок и бросил свирепых воинов из числа афганцев кылчлы⁶⁴ против афганцев же из Герата.

Гератские афганцы встретились с иранскими и бились они непрерывно 12 дней и ночей. В конце концов гератцы отступили и заперлись в своем городе, который [35-36] по сути дела был неприступен. Несколько дней афганцы отсиживались в городе, а затем совершили ряд нападений на иранцев, но были разбиты, и многие из них были уничтожены. Осада продолжалась 91 день, и наступил такой голод, что осажденные стали поедать трупы умерших. Увидев такое состояние осажденных, Гули-хан приказал не трогать афганцев, которые выходили из крепости в поисках пищи в лагере иранцев. Страдающие от голода афганцы для утоления своего голода потихоньку стали заходить в расположение иранских войск. Воины Гули-хана кормили их досыта и отправляли назад. В конце концов из крепости вышел их командующий. Воины схватили его и доставили к Гули-хану, который оказал ему большие почести и уважение, надел на него почетную одежду и оставил у себя. С помощью такой хитрости и лицемерия, Гули-хан захватил (27 февраля 1732 года) Герат, склонил мягкостью на свою сторону предводителей афганцев и назначил их на командные должности в своей армии, Гули-хан не стал брать в плен семьи вельмож города, Он просто переселил их в различные города Ирана⁶⁵. Одновременно он подчинил афганские войска и взял их под свое командование⁶⁶. После этого Гули-хан назначил правителем Герата одного из своих людей, а сам, минуя Мешхед, отправился в Хорасан.

В это время в стране узбеков появился один разбойник, который нападая на многие населенные места, совершал там грабежи, разрушения и погромы. А правитель узбеков изловить его не мог⁶⁷.

Когда Гули-хан узнал, что человек этот объявился на границах Хорасана, он бросил против него три тысячи воинов, перебил многих людей этого разбойника, схватил его самого и доставил в Мешхед. Продержав его 50 дней в заключении, Гули-хан приказал убить его. Когда об этом узнал правитель узбеков, то он весьма обрадовался этому. Однако после этого Гули-хан отправил к правителю узбеков посла с требованием внести ему 1000 туманов, угрожая в противном случае напасть на него. Когда правитель узбеков узнал об этом требовании Гули-хана, он арестовал его посла. По этой причине Гули-хан стал готовиться к нападению на узбеков⁶⁸.

Здесь мы прекратим описание всего этого, ибо считаем [36-37] более целесообразным хотя бы немного рассказать о событиях, связанных с османами

Взятие османами Хамадана

В руки Тимур-паши, бежавшего после сражения в окрестностях Тебриза, случайно попало письмо садразама Али-паши, адресованное паше Тебриза и еще трем пашам. В письме им предлагалось сдавать Гули-хану города без боя. Тимур, взяв это письмо, направился в Стамбул и, добившись приема у падишаха, предъявил ему письмо и доложил ему о том, сколько городов было сдано иранцам по этому письму и обвинил пашей еще во, многих других делах.

Падишах, ничего об этих делах не знавший, очень разгневался, приказал казнить садразама и назначил вместо него другого⁶⁹.

Рабы, то есть воины, узнавшие о проделках садразама, пожаловались падишаху и заявили ему, что они никогда не примирятся с иранцами. Они сказали: «Несмываемым позором для нас является оставление врагу войскового котла, ибо он - символ военного сословия. Мы будем сражаться и отберем у них наш котел»⁷⁰. В связи с этим падишах отправил паше Багдада - срочный приказ о назначении его сардаром войск, которым предписывалось идти походом на Хамадан. Получив этот приказ, паша Багдада, к имевшимся у него 6 тысячам пехотинцев и 3 тысячам сипахив⁷¹ добавил 5 тысяч арабов, 6 тысяч курдов и 6 тысяч воинов из племен баджилан и других племен, и у него набралась 26-тысячная армия. Произведя всестороннюю подготовку, паша двинул войска на Хамадан. Он разбил лагерь близ города в местности, называемой Лаклар, расставил войска в боевом порядке, заставил возвести укрепления и начал осаду города.

Когда об этом узнал шах Тахмаз, который находился в Исфахане, он собрал 100-тысячную армию и пришел на помощь обороняющимся до того, как туда прибыл Ахмед-паша. Когда Гули-хану, находившемуся в это время в Хорасане, доложили о подходе османов, он, зная о трусости шаха Тахмаза, написал ему, чтобы тот до его прибытия не ввязывался в сражение с османами.

Когда об этом узнал шах Тахмаз, который находился в Исфахане, он собрал 100-тысячную армию и пришел на помощь обороняющимся до того, как туда прибыл Ахмед-паша. Когда Гули-хану, находившемуся в это время в Хорасане, доложили о подходе османов, он, зная о трусости шаха Тахмаза, написал ему, чтобы тот до его прибытия не ввязывался в сражение с османами.

Шах, разбивший лагерь в месте, именуемом Кызыл-тепе (Красный холм), видел, как продвигается вперед [37-38] османская армия, и, не прислушавшись к предупреждениям Гули-хана, выступил против османов. Противники сразились и долина наполнилась кровью убитых. В

сражении погибло 38 тысяч иранских воинов, а остальные бежали с поля боя. Шах, прибывший с таким множеством войск, скоро понял, что не устоит против османов, и очень быстро возвратился в Исфахан.

Вернувшись в Исфахан, шах Тахмаз отправил к верховному главнокомандующему османскими войсками Ахмед-паше посла по имени Маййар-хан для заключения перемирия на условиях сдачи Хамадана османам. Ахмед-паша принял эти условия и, заполучив Хамадан, подписал перемирие.⁷² Назначив правителем города командующего правым крылом своей армии Ибрахим-пашу, сам он возвратился в Багдад.

Свержение шаха Гули-ханом и взятие им власти в свои руки

В это время находившийся в Хорасане Гули-хан сражался с афганцами. Он перекрыл пути наступавшему на Исфахан афганцу Абдели⁷³ и после 32-дневного сражения истребил все афганское войско, а затем вернулся в Хорасан.

Когда Гули-хан узнал о сражении шаха Тахмаза с османами и о том, как он из-за своей трусости потерял все свои войска, а после этого заключил с османами мир на условиях сдачи им Хамадана, то он страшно разгневался и приступил к осуществлению своего плана свержения и пленения шаха Тахмаза и взятия власти в свои руки. Гули-хан знал, что все действия шаха Тахмаза, бывшего человеком трусливым и легкомысленным, были направлены не на пользу страны, а, наоборот могли привести к ее гибели. Поэтому он стал готовить большую армию для похода на Исфахан. Гули-хан возглавил это войско, состоявшее из 48 тысяч конников, одетых в броню, и 6 тысяч пехотинцев. Двинувшись в поход из Хорасана, он дошел до Исфахана, но в город вступать не стал и разбил лагерь в местности, именуемой Аршавабад, находящейся на изрядном расстоянии от Исфахана.

Видя, что Гули-хан не прибыл во дворец, некоторые из вельмож шаха обратились к нему со следующими словами: «Господин наш! Гули-хан прибыл не с благими намерениями, ибо то, что мы о нем узнали, и [38-39] то, что нам стало ясно из его действий, говорит о том, что он идет сюда для того, чтобы изменнически удалить тебя с трона и узурпировать власть. Разве вы не видите? Зачем человеку с хорошими намерениями выступать во главе большой армии?»

Они неоднократно предупреждали шаха об опасности, но он им не поверил. Кроме вельмож, старавшихся, вразумить шаха, о замысле Гули-хана и о беде, которая грозит шаху, его предупредил один вельможный армянин по имени Давид-бек, который был самым близким его советником. Спустя три дня он пришел ночью к шаху и один на один вел с ним тайный дружеский разговор. Он сказал: «Поверьте, что Гули-хан пришел не с благими намерениями. Он хочет пленить вас и отобрать у вас власть. Он уже близок и через день будет здесь. Берегитесь его!».

Только после этого шах пришел в себя и начал размышлять. От огорчения он не мог заснуть и в ту ночь бодрствовал до самого утра. Когда наступило утро, шах созвал всех своих сановников во дворец и после обсуждения с ними создавшегося положения распорядился остерегаться Гули-хана, прибывшего в Исфахан во главе 54-тысячного войска, а для того, чтобы быть готовыми ко всяким неожиданностям, выступить из города со всеми наличными военными силами. И хотя шах Тахмаз своевременно и должным образом отреагировал на события, все же в дальнейшем, как мы расскажем об этом, он был обманут лицемерием Гули-хана и попал в расставленные им сети.

Между тем, Гули-хан разбивший лагерь на изрядном расстоянии от города, увидел, что предпринимаемые шахом меры говорят о том, что его замыслы раскрыты. Поэтому он сошел с коня и вместе с некоторыми своими военачальниками пешком добрался до шаха, пал перед ним ниц и сказал: «Высокопочтимый господин мой! Зачем вы стоите на открытом воздухе в таком виде? Быть может, до вас дошли какие-то ложные слухи, обо мне и вы сомневаетесь в моей верности? Если это так, то знайте, что все это выдумки врагов, ибо я издавна всем сердцем служу моему господину, исполняю все его приказы и отправляюсь туда, куда он пожелает. Вот и теперь я прибыл к вашим стопам, чтобы выполнить ваши приказы, ибо без приказов моего господина, я сам ни в какие дела не вмешаюсь. Если вы прикажете [39-40] мне отправиться в Хорасан, в Казвин⁷⁴ или против османов — я тотчас же отправлюсь выполнять приказ. Что бы вы не приказали мне, я как послушный ребенок, готов тут же выполнить!»

Такими льстивыми словами Гули-хан заставил шаха поверить ему, и тот дал согласие вернуться в город. Вернувшись в город, шах Тахмаз вызвал к себе Гули-хана и, оказав ему радушный прием, усадил его рядом с собой. Он предложил Гули-хану ввести его войска в город и оставаться вместе с ними в Исфахане, но Гули-хан сказал ему: «Приказ моего господина для меня

закон, но если я введу все мои войска в город, то это причинит большие неудобства населению». Шах согласился с его словами и таким образом войска Гули-хана остались вне города.

После этого Гули-хан с помощью лицемерия и всевозможной лести так очаровал шаха, что тот полностью перепоручил ему управление государством и подчинил ему всю армию. Шах говорил своим сановникам: «Гули-хан вправе делать все, что захочет, и я заранее согласен с тем, что он сделает!» А Гули-хану он говорил: «Делай все, что пожелаешь! Только не нарушай перемирия, заключенного мной с османами и не вступай с ними в войну, ибо не приличествует изменять слову, которое дал владыка!».

Гули-хан отвечал шаху так: «Я буду действовать только по приказу моего господина!». После этого Гули-хан пересчитал всех своих воинов и командиров, чтобы узнать, имеются ли дезертиры. То же самое он проделал и в войсках шаха. Он учинил эту проверку весьма детально, чтобы тщательно сопоставить состав обеих сторон. И шах, полагая, что Гули-хан все делает для пользы, верил ему и ни во что не вмешивался. А хитрец Гули-хан после этого стал отправлять шахские войска в различные края. 6 тысяч его воинов он отправил в Тебриз, 5 тысяч - в Казвин, 2 тысячи - в Мазандаран. После этого он стал часто посещать шаха и с помощью различных уловок и хитростей еще больше расположил его к себе.

Заранее распуслав слухи о своем возвращении в родные края, Гули-хан через шесть дней обратился к шаху: «Я возвращаюсь в свои края. Но до отъезда я умоляю господина моего, государя, оказать честь бедной лачуге своего раба, снизить к его мольбе и удостоить [40-41] вниманием его ничтожный стол». То есть он как будто приглашал шаха на прощальную трапезу.

Шах принял приглашение и отправился к нему на трапезу, которая была пышной и торжественной. Во время этого торжественного приема, когда шах был в самом зените своего хорошего настроения, Гули-хан обратился к нему со следующими словами: «У меня есть одна просьба к господину моему государю, и я покорнейше прошу ее исполнить!» Шах ответил: «Проси! Я исполню!» Гули-хан сказал: «Я хотел бы, чтобы вы выпили вина. И я просил бы вашего позволения принести к обеду вина, чтобы веселье наше было бы более полным!» Шах воскликнул: «Ты хорошо сказал! Пусть принесут вина!»

Гули-хан послал человека к армянам, и из дома каландара⁷⁵ Оганеса было доставлено 30 кувшинов вина. Веселье и питье продолжались до глубокой ночи и шах так перегрузился вином, что потерял над собой власть. В полночь Гули-хан сказал охране шаха: «Шах спит, идите и вы отдыхать». Шах в это время пребывал в одиночестве в какой-то комнате и спал глубоким сном. Когда охрана ушла, Гули-хан сошел в комнату, где шах спал в одиночестве, дал ему пощечину и приказал слугам связать его по рукам и ногам и запереть в комнате.

Наутро Гули-хан молниеносно арестовал и казнил всех ничего не подозревавших сановников шаха. А когда с этим было покончено, Гули-хан отправился во дворец, схватил жену шаха, его сестру, родных и других дочерей и отвел их всех к себе домой. Гули-хан взял сестру шаха себе в жены, других женщин сделал наложницами, а мать шаха вместе с ним отправил в Хорасан⁷⁶.

Народ, узнав об аресте шаха и о том, что он вместе с матерью отправлен в Хорасан, очень взволновался, впал в великое отчаяние, но никто уже шаху ничем помочь не смог.

После того, как шах был отправлен в Хорасан, Гули-хан остался в Исфахане и начал управлять государством. Через несколько дней он вызвал к себе всех командующих и многих офицеров и спросил у них: «Знаете ли вы зачем я вас вызвал?». Они ответили: «Не знаем, но мы готовы выполнить все приказы нашего [41-42] господина!». После этого Гули-хан сказал: «Причина вашего вызова следующая: мы должны посадить на престол сына шаха, отправленного в Хорасан. Надо отчеканить иранские монеты с его именем все дела вершить от его имени. Мы должны сражаться во имя его, ибо звезда его очень ярка. Его отец, пьяница и глупец шах Тахмаз оказался неспособным в деле защиты государства, и я отправил его в Хорасан в надежде, что он исправится и наберется ума».

Говоря это, Гули-хан готовил их к тому, что он на самом деле задумал. Что же касается царевича по имени Аббас⁷⁷ которого Гули-хан хотел посадить на престол то ему в это время было только 6 месяцев от роду. Гули-хан с помощью войска объявил упомянутого младенца шахом вместо его отца и отправил его в Казвин, где он должен был расти и воспитываться.

Этими мерами Гули-хан успокоил как народ, так и войска. Не было никакого шума и беспорядков и все стали прославлять деяния и мудрость Гули-хана.

Поход на Багдад

Бахтияры, узнавшие о том, что сделал Гули-хан с шахом Тахмазом, объединились, выбрали шахом одного из своих людей и, собрав войска, двинулись на Исфахан. Они стали совершать

набеги на многие села в окрестностях Исфахана, много людей пленили, а многих перебили. Таким путем, бахтияры разграбили и разрушили 97 сел⁷⁸.

Узнав об этом, Гули-хан бросил против бахтияров большие силы. А бахтияры, видя, что Гули-хан приближается к их землям, ушли в крепость Чимлан и запершись в ней. С одной стороны крепости текла река Аб-и-Карун⁷⁹, а с другой стороны находились высокие неприступные горы, и поэтому крепость эта была по сути недоступной. Поэтому Гули-хан оставил крепость и отправился в область, вперемешку населенную арабами, лурами, коричиями⁸⁰ и шиитами.

Когда владетель этой области Али Мардан-хан узнал о прибытии Гули-хана, он встретил его с ценными подарками. Гули-хан отнесся к нему благосклонно и подарил ему почетную одежду. После этого он назначил Али Мардан-хана командующим войсками, направляемыми против бахтияров, а сам отправился в Керманшах. [42-43] 30 дней он находился в Керманшахе, готовя армию к походу на Багдад.

Выступив из Керманшаха, он проследовал через Майдас⁸¹, Хасанова⁸², Керинд и добрался до перевала Пул-и Кул, что по-персидски означает «Гора молодых». Это имя было дано перевалу потому, что людям в летах эту гору одолеть очень трудно⁸³.

Гули-хан не встретил ни одной живой души на перевале Пул-и Кул, который был границей между османами и иранцами и через него шла единственная дорога. Однако на этой дороге находился каравансарай под названием Хунай Махмуд, в котором располагались османские воины, охранявшие перевал. Зная об этом, Гули-хан приказал своим воинам по этой дороге не идти, а, ведя лошадей на поводу, ночью взойти на гору и двигаться дальше. Он сам в том же темпе двигался во главе своих войск.

Иранцы прошли через перевал и на рассвете, миновав османский заслон, прошли через границу и достигли Казова⁸⁴. Здешний военачальник по имени Ахмед-бек даже не подозревал о прибытии Гули-хана, ибо он выставил на дороге патруль и не верил, что иранцы могут пройти его незамеченными.

Когда Ахмед-бек увидел внезапно появившегося Гули-хана, он выступил против него с 6-тысячами воинов, и противники бились с утра до самого вечера. Ахмед-бек был разбит, воины его истреблены, а сам он бежал. Один воин из племени каджаров преследовал Ахмед-бека целый час, настиг его, ранил стрелой в голову, схватил и доставил к Гули-хану, за что получил 113 туманов премии.

6 дней Гули-хан оставался в Казове, после чего двинулся на Багдад. Через три часа пути иранцы достигли реки под названием Зангара-су⁸⁵. В те дни было половодье и река вздулась, поэтому Гули-хан целый час размышлял - переправляться ему через реку или нет. Затем он обратился к своим конникам: «Тот, кто меня любит, пусть следует за мной в воду!». Сказав это, он первый вошел в реку и переправился на противоположный берег. Воины бросились вслед за ним, и около ста человек утонуло. Пехотинцы оставались на берегу. Для переправы пехоты Гули-хан распорядился протянуть от берега к берегу две цепи, на которые положили настил из досок, а на них насыпали песок. Получился своего [43-44] рода мост, по которому сначала переправились войска, а вслед за ними пушки и другое военное снаряжение.

Сначала Гули-хан хотел идти напрямиком на Багдад до потом передумал и двинул войска на Керкук⁸⁶. Когда он достиг села под названием Лейлан⁸⁷, то местные шииты встретили иранцев с удовольствием. Гули-хан вооружил старосту села, взял его с собой в качестве проводника и, выступив из Лейлана, двинулся с войсками на Багдад.

Простояв в Кара-тепе⁸⁸, иранская армия прибыла в Кызрабад⁸⁹, который оказался в запустении, ибо жители его бежали в Багдад. Гули-хан двигался вперед, меняя направление, и не нападал на местные села, полагая, что вынудит османов вступить в сражение

Выступив из Кызрабада, иранцы достигли Мандали⁹⁰, а оттуда добрались до Хиллы.⁹¹ Близ Хиллы к Гули-хану присоединились, как было условлено два иранских хана - Али Мардан и Баба со своими войсками. Поэтому Гули-хан бросил на Хиллу этих двух ханов, а сам через несколько дней повел войска на Багдад.

Приблизившись к Багдаду на расстояние часа ходьбы, Гули-хан разбил лагерь в местности, именуемой Имам ал-азам («Величайший имам»)⁹². Гули-хан оказал большое внимание находившимся там шейхам одарил их почетными одеждами, и они в своих письмах многим тамошним имамам горячо призывали людей подчиниться Гули-хану, рисуя его великим человеком. И имамы, вместе со своей паствой, добровольно последовали этим советам.

Осада Багдада

В это время пришло известие о том, что ханы Али Мардан и Баба, оставленные Гули-ханом для взятия Лиллы, захватили ее и, перейдя через реку Садик-су⁹³, двинули войска на Имали, или

по другому Имам Муса⁹⁴. Гули-хан сообщил им, что эта местность уже подчинилась ему, и приказал ханам в нее не вступать. Поэтому упомянутые ханы двинулись с войсками на Багдад и на берегу реки перебили огромное множество османских воинов, так что, как говорят, от запаха разлагавшихся трупов здесь еще долго невозможно было находиться. [44-45]

После этого Баба-хан разбил лагерь на берегу реки перед Багдадом, близ большого города под названием Каршыяка⁹⁵. Багдад окружили с одной стороны ханы Баба и Мардан, а с другой - Гули-хан. Однако у них не было пушек, ибо Гули-хан обычно нападал на города и крепости внезапно и пушек с собой не брал.

Осада Багдада продлилась 40 дней, после чего иранцы привезли из Казова оставленные там пушки и начали обстреливать город. Иранцы стреляли по крепости, а османы - по скоплениям иранских войск. Но пушки османов были крупнее - каждая вмещала в себя по 80 литров пороха. Несмотря на то, что иранцы вели обстрел издалека, снаряды, выпускаемые османскими пушками, падали в расположении иранцев, и каждый раз от взрыва этих снарядов погибало по сто иранских воинов. Из-за этого Гули-хан отвел свои войска подальше. Теперь османские снаряды их не достигали, но и иранские пушки оказались бесполезными для обстрела крепости. После этого в течение 55 дней пушки не стреляли. Османы все же сделали один выстрел из большой пушки, но взрыв оказался таким ужасным, что треснула крепостная стена и рухнуло много домов поблизости. Поэтому из этой пушки больше не стреляли.

После 55 дней осады османы совершили из крепости одновременно вылазку из двух ворот - из Белых и ворот Великого имама. Через Белые ворота вышло 24 тысячи воинов, а из ворот Великого имама - 10 тысяч. Сам Ахмед-паша в вылазке не участвовал и не дал также разрешения на вылазку жителей города, ибо половина их была иранцами и он боялся, что они перейдут на сторону Гули-хана.

Видя, что османы начали атаку, Гули-хан двинул свои войска вперед, но без пушек. Османы же стали стрелять из 10 пушек, которые они взяли с собой на прорыв. Гули-хан разбил свои силы на четыре части, чтобы было не так много потерь от огня пушек. Когда османы сделали по одному выстрелу и стали вновь заряжать пушки для второго выстрела, иранцы набросились на них с четырех сторон и не дали османам возможности выстрелить. Противники вклинились друг в друга, и рукопашный бой продолжался семь часов. Османы были разбиты, бежали в крепость и больше из нее не выходили. [45-46]

88 дней осаждал Гули-хан Багдад. В результате в городе начался такой ужасный голод, что стоимость одной окка собачьего мяса достигла 40 марчил(?)⁹⁶, но и его найти было невозможно.

Войска, брошенные Гули-ханом в сторону Ниневи⁹⁷, разгромили и разрушили все села в той округе, перебили всех молодых людей, пленили женщин и детей, но, не имея достаточных сил, иранцы к Ниневии не приближались и вернулись назад, достигнув местности, именуемой тюрками Юнус⁹⁸.

Прошло 9 месяцев осады Багдада, после чего падишах османов Махмуд⁹⁹ бросил против Гули-хана 250 тысячную армию¹⁰⁰ под командованием Топал Осман-паши¹⁰¹. Узнав об этом, Гули-хан отправил город посланца и предложил Ахмед-паша спросил: "Зачем тебе крепость? Сразись с османскими воинами, и, если одолеешь их, то тогда и крепость твоя!"¹⁰²

Когда Топал Осман-паша прибыл в окрестности Багдада, то он оставил перед крепостью 6 тысяч воинов, а с остальными войсками спешно двинулся против Гули-хана. Он раньше иранцев вышел к реке и приготовился к сражению. У Топал Осман - паши было 105 пушек, а у Гули-хана их не было. Поэтому Гули-хан бросился вперед с 12 тысячным отрядом воинов, вооруженных ружьями, и стороны вступили в сражение. Османы были разбиты и отошли в большое и глубокое ущелье вблизи реки, окопались там и начали вести оттуда плотный огонь, выводя из строя большое число иранцев, находившихся на открытом месте.

Как мы говорили выше, река находилась за линией обороны османов, и когда иранцы стали мучиться от жажды, Гули-хан посылал воинов-ружейников пить воду на расстоянии в полчаса ходьбы. Османские воины, находившиеся в окопах, поливали иранцев плотным свинцовым дождем и, прорвав их оборону, заставили иранцев бежать в беспорядке. Спаслись сумело только незначительное число конных иранцев, а пешие воины были все изрублены мечами.

Отступление иранцев было вызвано не только жаждой. Через час после начала сражения в сторону иранцев подул ураганный ветер, который засыпал их тучей песка. Кроме того иранцев изнурила летняя [46-47] жара, присущая этому краю. Часть иранцев бежала в Мандали, часть в Кызрабад, а часть в сторону Казова. Сам же Гули-хан скрылся в неизвестном направлении, и никто не знал жив он или мертв¹⁰³.

В иранской армии служили шесть сотников (йюз-баши) армян, под командованием которых находились сотни воинов. Их звали Давид-бек из Гёруса, Абиджан Адамийаноглу, Агаджан

Айдинбекоглу из Чапина, Валик Мосесианоглу из Гафана, Кадакериан и Хакназар Топузоглу. Один из них - Хакназар, втайне от всех, бежал вместе с Гули-ханом, а другие ушли в город Казов. Находившийся там исфаханский хан по имени Джан сказал армянам: «Вы никуда отсюда не уходите. Я вместе с вами выступлю против османов». Однако армяне не стали его слушать и ответили, что не выступят против османов до тех пор, пока не найдется Гули-хан. Уйдя оттуда, они отправились в Хамадан и вскоре прибыли в Керманшах.

Однажды стало известно, что хан Хамадана дал торжественный прием в честь прибытия Гули-хана и что вдоль дорог выставлены сторожевые посты (колчу) для сбора рассеявшихся воинов. Когда к нему собрались оставшиеся в живых воины, он узнал, что спаслись также шесть ханов. Он приказал казнить 112 струсивших командиров. По возможности он восполнил потери в войсках и назначил новых командиров вместо убитых.

Из 52-тысячного иранского войска в живых осталось только 15 тысяч воинов. Гули-хан приготовился к выступлению с этими 15-тысячами против Топал Осман-паши. Выступив из Хамадана, он прошел 15-дневный путь за 7 дней, прибыл в Казов, а оттуда совершил бросок в Керкук, ночью одолел горный перевал и утром внезапно атаковал армию Топал Осман-паши. В этот час все османские воины спали, и среди них началась паника. 45 тысяч османских воинов было истреблено¹⁰⁴, а часть бежала. Топал Осман-паша попал в плен, и Гули-хан, отрезав ему голову, отправил ее в Багдад Ахмед-паше¹⁰⁵.

После этого Гули-хан двинулся на Багдад, но в сражение не вступал и вскоре заключил с Ахмед-пашой перемирие¹⁰⁶. Он оказал паше братский прием, изумился его верности своему падишаху и сказал ему: «За твою такую высочайшую верность султану в моем [47-48] сердце зародилось глубокое дружеское чувство к тебе. Несмотря на то, что я девять месяцев держал твой город в осаде и ты претерпел ужасные муки от голода и моего меча, ты все же сохранил честь твоего государства и султана. После этого между нами не должно быть вражды и до самой смерти мы должны относиться друг к другу с братской любовью».

Поход Гули-хана против бахтияров и на Шираз

Гули-хан направился из Багдада в Хувейзу¹⁰⁷ и вместе с ханами Али Марданом и Баба выступил в поход против бахтияров. Бахтияры, услышав о поражении Гули-хана от османов, восстали, объявили своим шахом некоего Али-хана и стали собирать войска, чтобы начать наступление на Исфахан с тем, чтобы овладеть затем всем Ираном. У Гули-хана, имевшего во время войны с османами 90-тысячное войско, теперь было только 15 тысяч, но у Али Мардан-хана и Баба-хана имелось еще 30 тысяч воинов. Теперь у Гули-хана имелось 45-тысячное войско, с которым он направился в местность (город) Чимла¹⁰⁸, расположенную поблизости от бахтияров.

Бахтияры упорно дрались в течение 18 дней, однако многие из них погибли. Гули-хан, захвативший город, переселил жителей из 48 тысяч домов в Хорасан, то есть в Мешхед. Он поселял в каждый населенный пункт по дороге от 300 до 1000 бахтияров и таким образом рассеял их по стране.

Оттуда Гули-хан направился в Шираз, ибо там восстал местный правитель (вали) Мехмед-хан. Когда-то Гули-хан отправил этого ширазского вали Мехмеда на подавление восстания белуджей¹⁰⁹. Он отправился туда, но сам восстал против Гули-хана и даже собрал войска для похода на Исфахан. Мехмед-хан направился в область Бендер¹¹⁰, чтобы набрать воинов, и перебил множество жителей, не пожелавших присоединиться к нему. Тех, кто согласился служить у него, Мехмед-хан взял в свою армию и отправился в Шираз, где стал готовиться к походу на Исфахан.

Гули-хан, узнавший о намерении Мехмед-хана, направил к нему посланца, через которого он попытался усмирить его, давая ему различные обещания. Гули-хан писал ему: «Что ты затеял? Ведь ты всегда был [48-49] нашим верным рабом и совершал только благие дела. Я возвысил тебя перед многими другими ханами, так, зачем же ты поднял оружие против меня? Покайся и поверни с избранного пути назад, и не дай бог, чтобы глаза твои помутились!».

Однако Мехмед-хан отклонял требование Гули-хана и ответил ему «Я твердо решил принести себя в жертву поставленной мною задаче. Пусть Аллах воздаст то, что пожелает, и тебе, и мне! Или я погибну от твоей руки или ты от моей! Знай это!».

Когда Гули-хан узнал о таком ответе, он прервал переговоры и двинулся на Шираз. Видя, что войска Гули-хана приблизились, Мехмед-хан вышел из города и встретил его на равнине. В битве войска Мехмед-хана были истреблены, а самому ему с трудом удалось бежать и укрыться в крепости Айваз¹¹¹, которая находилась близ Бендера.

Владелец этой крепости, шейх по имени Чапар был известен как праведник. Когда Мехмед-хан укрылся здесь, то он стал просить шейха, чтобы тот молил ему прощение у Гули-хана. Он знал, что Гули-хан очень уважает шейха и обязательно удовлетворит его просьбу. Шейх согласился помочь Мехмед-хану, сообщил в письме Гули-хану, что Мехмед-хан раскаялся и готов покориться и, хотя он достоин казни, шейх просил его не убивать. Гули-хан написал рейху: «Я исполню вашу просьбу и его не убью. Отправьте его ко мне!».

Когда шейх показал Мехмед-хану письмо с обещанием Гули-хана, тот с надеждой выехал к последнему. Гули-хан сказал ему: «Ты помнишь? Когда я был в Багдаде, разве я не говорил тебе: не восставай, не поднимай против меня оружие! А ты ответил: пусть будет то, что пожелает Аллах или ты меня уничтожишь или я тебя! И вот теперь Аллах отдал тебя в мои руки, и будет правильным если я тебя убью!».

Мехмед-хан ответил: «Воля твоя!». Однако Гули-хан сказал ему: «Ты достоин смерти, но ради шейха я не убью тебя и ограничусь только небольшим наказанием». После этого он приказал одному из своих воинов выколоть Мехмед-хану глаза. Затем Гули-хан дал ослепленному Мехмед-хану сто туманов и сказал: «Иди, и довольствуйся этими деньгами и молись за меня!». Он поручил Мехмед-хана 15 слугам и отправил его в Мешхед. [49-50]

После этого Гули-хан прибыл с Исфахан, где стал готовиться к походу на Ширван и Шемаху.

Требование иранцев к османам и русским

Прежде чем я начну излагать нижеследующие события, я считаю важным напомнить о том, что произошло до них.

Когда шах Тахмаз отвоевывал Исфахан у афганского султана, Гилян был оккупирован русскими. После того, как шах Тахмаз взял Исфахан, он отправил к султану османов посланца с письмом, в котором говорилось: «Возвратите мне города, которые вы захватили во время узурпаторства афганцев. С помощью Аллаха я теперь обрел силу, изгнал афганцев из моей страны и занял престол моего отца». Султан османов ответил ему так: «Ты сначала отбери Гилян у московитов и, если у тебя есть к нам какие-то претензии, то о них поговорим после».

Шах Тахмаз отправил посла к Московскому царю и потребовал возвращения Гиляна. Московский царь ответил так: «Для защиты твоего города от захватчиков и для его охраны я до настоящего времени потратил большие деньги. Если ты дашь обязательство возместить все понесенные мною расходы из расчета 80 тысяч туманов в год, вместе с процентами, то я готов вернуть тебе Гилян!».

Шах Тахмаз согласился внести указанную сумму, и московиты, заключив соглашение о возмещении долга, оставили Гилян и ушли в свою страну.

Через год московский царь послал в Иран своего посла для получения обещанных денег. Когда посол, а им был один эрзрумский армянин по имени Симон¹¹², прибыл в Исфахан, то шаха там не было. Посол узнал, что он схвачен Гули-ханом и отправлен в Хорасан, и он стал размышлять о том, с кем же ему вести переговоры, чтобы выполнить возложенное на него поручение. В конце концов его вызвал к себе Гули-хан и спросил, кем он послан, к кому и зачем. Посол Симон ответил, что он привез шаху послание московского царя. Тогда Гули-хан сказал: «Давай-ка мне это письмо, и мы посмотрим, чего твой царь хочет от шаха!». Однако Симон сказал: «Я не могу этого сделать, ибо послание адресовано не тебе, а шаху, и я могу вручить его только [50-51] ему!». Гули-хан сказал: «Раз так, то ты сиди здесь и жди, пока мы не закончим войну, начатую против нас афганцами. Я отвечу тебе после возвращения!».

Он определил послу местожительство в Исфахане, а сам отправился на войну. И посол Симон два года пребывал в Исфахане, ожидая возвращения Гули-хана.

Вернувшись, Гули-хан вновь вызвал посла Симона и сказал ему: «Давай-ка письмо царя! Я дам на него ответ!». Однако посол письма не дал и ответил так: «Я не дам его тебе, но должен тебе сказать, что мой царь узнал о том, что ты сделал с шахом и отправил мне такое предписание на твое имя: «Поскольку владыкой страны являешься ты, то ты должен или отправить ко мне моего должника, с которого я потребую долг, или же ты сам должен внести долг за него!».

Гули-хан ответил: «Человек, который должен вам деньги, должен и мне, так как этот глупый пьяница из за своего слабоумия отдал нашу страну османам. Что же касается требования царя относительно нашего долга, то я должен спросить у вас поскольку наш шах войны вам не объявлял, зачем вы вторглись в наши земли и захватили их, понапрасну истратив такие деньги? Разве кто-либо пытался захватить Гилян, что вы спасали его от захватчика? Зачем же вы захватили

его и столько лет держали под своей властью?». Этими словами Гули-хан заставил умолкнуть посла Симона.

Через одиннадцать дней из Московского государства прибыло 500 человек во главе с высокопоставленным приближенным московского царя в ранге чрезвычайного посла¹¹³. Прибывший в город посол был торжественно встречен, и Гули-хан обеспечил его проживание, питание и даже доставил для него хорошее вино из Джульфы¹¹⁴. Через 6 дней посол с уважением был принят Гули-ханом, и они провели совместную беседу. После того, как посол возвратился в отведенную ему резиденцию, он отправил Гули-хану со своими людьми в виде подарка прекрасное зеркало и весьма ценные золотые часы. Гули-хан принял эти подарки и остался очень доволен ими.

Как мы отмечали выше, Гули-хан подготовил армию, чтобы двинуться против врагов в Ширван и Шемаху. Он прихватил с собой в поход послов и, прибыв в Тебриз, остановился здесь на несколько дней. В это [51-52] время в Тебриз прибыл еще один посол московского царя, который в резкой форме обратился к Гули-хану с вопросом почему задержаны два предыдущих посла, и потребовал от него освободить этих послов, от которых ждут сообщений. После этого Гули-хан отпустил посла Симона, а двум другим послам сказал, чтобы они передали своему царю такой ответ: «Мы ничего тебе не должны, и если вдруг ты захочешь воевать с нами, то мы готовы встретить тебя. Однако знай, что я тебе ничего давать не собираюсь!». После этого Гули-хан отпустил послов.

Захват Иревана, Гянджи, Ширвана и Шемахи.

После того, как Гули-хан отпустил московских послов, он отправился с войском в долину Иревана и разбил здесь лагерь. Когда владевшие в то время Иреваном османы узнали о прибытии Гули-хана, они не стали ввязываться в сражение, из города не вышли и ограничились обороной крепости. Гули-хан же продвинул свои войска вперед и окружил город. Османы не стали даже пытаться начать сражение, а наоборот, вступили в переговоры о мирной сдаче Иревана¹¹⁵.

Гули-хан распорядился, чтобы мусульмане города сами решили - оставаться им в городе или уйти из него куда захотят. И хотя приказ был исполнен, все же Гули-хан собрал всех оставшихся богачей - мусульман и христиан - и силой взыскал с каждого из них, согласно их возможностям, по 10, 20, 40 и 50 туманов. После этого он двинулся на Гянджу, оставив часть войск для защиты Иревана.

Гули-хан прибыл в место поблизости от Арамуза, именуемое Корук, которое турки называют Гёк-килисе (Голубая церковь), и разбил здесь лагерь. Согласно преданиям местного населения, место это называли Гёк-килисе потому, что в тамошней голубого цвета церкви обитало много монахов и когда шах Аббас шел сюда войной, то из земли вдруг забил источник с голубой водой. Здесь образовалось озеро, и шах дальше продвигаться не смог. Шах Аббас решил двинуть свои войска в эти края, полагая, что здешний народ, происхождение которого неизвестно, ему не подчинится. Но когда он увидел это чудо, то отвел свои войска назад и для того, чтобы разобраться в случившемся, [52-53] вызвал местных жителей и стал их расспрашивать что за народ здесь живет и в чем причина этого удивительного события. Жители сказали, что там живут монахи-христиане, которые молятся днем и ночью и думают только о госпде. Поэтому шах Аббас сказал: «Если они молящиеся, то у меня к ним никаких претензий нет!» и назвал это место Гёк-Килисе. Что же касается названий Арахуз и Арамуз, то вместо, где монахи стригут своих овец, из шерсти которых они ткут свою одежду, они называют Арахуз, а место, где они доят овец, называют Арамуз¹¹⁶.

Мы упомянули о преданиях, имеющих хождение среди тамошнего населения, и теперь снова вернемся к нашей теме.

После того, как Гули-хан дал своим коням 25 дней на выпас в долине Корук, иранские войска подошли к городу Гяндже, которая была в руках османов и в которой было много их войск. Османы выступили против иранцев, и между противниками началось жестокое сражение, которое длилось 30 дней. В итоге иранцы захватили город и истребили османов¹¹⁷.

Многие османы, бежавшие из Гянджи, укрылись по близости, в селе Килсе-Кантак и спрятались в домах армян. Иранцы узнали об этом, нашли этих останов и всех перебили.

После Гянджи Гули-хан повел свои войска на Шемаху и Ширван и овладел этими городами. На следующий год Гули-хан пошел походом на лезгинских татар, которые подчинялись одному раису по имени Хаджи Давуд-бек¹¹⁸. Гули-хан подчинил их, заставил платить дань и взыскал с них очень много денег.

Поход Гули-хана против Грузии.

Освободив московских послов, Гули-хан направил в Грузию. Грузинские принцы и князья приняли весьма торжественно в городе Мцхета¹¹⁹. Хан тоже встретил их очень любезно и одарил почетной одеждой. Гули-хан пригласил туда также отсутствовавших Кахетинских князей и оказал им еще большее внимание, вручив каждому из них, кроме ценных подарков, породистых коней, ибо непокорные иранцам кахетинцы были весьма сильны и Гули-хана не боялись.

После того, как Гули-хан наградил и отметил предводителей кахетинцев, он однажды пригласил к себе [53-54] одного из их вождей по имени Зохраб и предложил ему выдать за него свою дочь. Зохраб сказал, что он с радостью даст на это согласие, но только в том случае, если Гули-хан признает его владетелем его страны. И хотя Гули-хан и согласился на это, но подумав, что тот ночью может скрыться и, будучи христианином, за него свою дочь не отдаст, он приказал устроить за ним тайную слежку.

Через несколько дней он вызвал Зохраба и спросил у него, что он предпринял для того, чтобы сдержать свое слово. Зохраб попросил отпустить его, чтобы он привез свою дочь, однако Гули-хан сказал ему, чтобы он распорядился о ее приезде письмом. И Зохраб отправил домой открытое письмо, в котором приказывал доставить в Мцхету вместе с матерью его дочь, которую берет в жены Гули-хан. Одновременно он отправил и тайное послание, в котором писал: «Пусть знает мой христианский народ, что этот человек пленил меня здесь и заставляет меня насильно отдать за него мою дочь. Я совсем не хочу отдавать мою дочь за этого безбожника!».

Когда кахетинцы узнали об этом, они очень разгневались и заявили, что жертвуют своими жизнями ради того, чтобы воспрепятствовать намерению безбожника. Они вернули прибывших от Гули-хана за девушкой послов, и те возвратились с пустыми руками. Когда вернувшиеся рассказали Гули-хану, что кахетинцы отказались выдать девушку и что они сами еле спаслись, то Гули-хан разгневался на Зохраба и стал угрожать ему смертью. Зохраб ответил ему: «Ведь я же просил назначить меня владетелем моей страны, чтобы они подчинились мне, а я в свою очередь подчиню их тебе. Что же я могу поделать в таком положении?». И Гули-хан отправил Зохраба в Кахетию владетелем, чтобы затем подчинить ее себе. Зохраб возвратился в свою область вместе с приказом Гули-хана и в сопровождении двух его вельмож. Когда он прибыл в Кахетию, то, собрав своих вельмож, зачитал им приказ Гули-хана о назначении его владетелем. Князья очень разгневались и, после обсуждения создавшегося положения, убили одного из двух прибывших с Зохрабом сановников, а второго отправили назад к Гули-хану, чтобы он рассказал обо всем, что видел и слышал. [54-55]

Возвратившийся сановник рассказал Гули-хану обо всем - о восстании Зохраба, назначенного владетелем против Гули-хана и о том, что он сам убил второго посланца. Тогда Гули-хан, собрав свои войска, пошел против кахетинцев, однако он не только не отомстил, но сам был разбит ими, отступил назад в Мцхету и больше против кахетинцев не выступал. Отсюда он направился в Иреван¹²⁰.

Война с османами. Восшествие Гули-хана на престол. Перемирие между Ираном и османами.

После того, как османы восстали против своего падишаха султана Ахмеда и свергли его с престола, его место занял султан Махмуд. Новый падишах назначил сардаром Кепрюлю Абдулла-пашу и приказал ему отправиться с 300-тысячным войском в поход на Иран. Когда Гули-хан узнал о том, что Абдулла-паша достиг Карса, он перекрыл дороги между Иреваном и Эчмиададином¹²¹ своими войсками, которые состояли из 53 тысяч одетых в латы конников и 12 тысяч пехотинцев¹²². После того, как была закончена подготовка армии к сражению, Гули-хан бросил войска против османов, добрался до Галыша¹²³, а оттуда прибыл в долину Магара, которая находилась близ реки Арпачай¹²⁴. Для дополнения возможных потерь в лошадях Гули-хан взял с собой 28 тысяч запасных коней. Он напал на врагов внезапно и сеял среди них панику только потому, что совершал молниеносные броски, преодолевая за одну ночь трехдневный путь и за один день - четырех-пяти дневное расстояние. Поэтому в пути гибло много лошадей, и потери в них надо было восполнять. Выступив из Магары и переправившись через Арпа-чай, Гули-хан разбил лагерь в месте, именуемом Супадан¹²⁵, и остановился здесь. Османы, видевшие прибытие Гули-хана, вперед продвигаться не стали и заняли круговую оборону за возведенными укреплениями. Видя, это Гули-хан обратился к своим командирам: «Мои храбрые офицеры!

Знайте, что если османские войска выйдут из своих укреплений, то Аллах отдаст победу нам, а если они не выйдут, то победа будет дарована им. Поэтому сначала мы бросимся на них и, как только ни откроют по нам огонь, мы сделаем вид, что отступаем [55-56] и станем отходить назад, чтобы они вышли из укреплений и стали нас преследовать. И как только они выйдут из-за укреплений, мы внезапно повернем назад и заставим противника бежать, и его оборонительные порядки будут нарушены».

И действительно, иранцы, как распорядился Гули-хан, стали атаковать и после первой же схватки начали отходить назад, показывая видимость бегства и отошли на целый час пути. Османы, видя это, вышли из своих укреплений и стали преследовать якобы бегущих от страха иранцев.

Османских войск было так много, что их масса покрыла равнины, горы и ущелья. Часть их представляла собой огромную колонну, которая, если смотреть на нее с вершины горы, напоминала массу шевелящихся и копошащихся червей.

Когда Гули-хан увидел, что османы уже отошли от своих укреплений на порядочное расстояние, он повернул свои войска и бросил их в атаку. Обе армии смешались, и вся земля заполнилась телами убитых и их кровью. Кругом не было видно ни клочка свободной земли - все было усеяно трупами. Османы были разбиты, и воины Гули-хана преследовали бегущих до самого Манкерда¹²⁶ и Хасанкала¹²⁷. Абдулла-паша был взят в плен и доставлен к Гули-хану, который приказал убить его и зарыть в землю, а на могиле возвести гробницу с надписью, содержащей полное описание этой битвы¹²⁸. Иранцы захватили в лагере османов огромные трофеи.

После этого иранцы продвинулись до границ Вана.¹²⁹ Иранские воины врываются в села и усадьбы, где обитали армяне, подвластные османам, и взяли в плен тысячи женщин, детей и юношей, которые были увезены в Иран.

Гули-хан возвратился в Иран, но в Исфахан не пошел, а остановился в местности, называемой Дамга¹³⁰, где разбил свой лагерь. Хан вызвал сюда всех эмиров и вельмож Ирана, и когда все они прибыли, он обратился к ним с такими словами: «Причина вашего вызова в следующем: уже несколько лет я ради вас не вкладываю мой меч в ножны. Я разгромил афганцев, османов и московитов, отобрал у них все иранские города и, покончив со всеми этими делами, я прибыл сюда. Теперь, [56-57] когда наши враги разбиты и заключено перемирие, вам остается выполнить лишь одно дело - возвести на престол своего владыку».

Вельможи Ирана, внимательно слушавшие слова Гули-хана, молчали, пока Гули-хан трижды не повторил свои слова. После этого двое из сановников сказали: «Наш господин произнес очень правильные слова. Если вы пожелаете, то мы привезем сюда шаха Тахмаза и возведем его на престол, чтобы он снова стал нашим владыкой». Но Гули-хан от этих слов рассвирепел и приказал тут же убить этих двоих вельмож. Затем, обратившись к остальным, он снова повторил сказанное ранее и спросил: «Что вы на это скажете?». Вельможи пришли в ужас от всего этого и единогласно трижды воскликнули: «Ты наш государь!»- Тогда Гули-хан обратился к ним: «Если вы действительно хотите видеть меня вашим государем, то подтвердите это письменно!». И они сразу же составили бумагу, в которой написали: «Наш государь Гули-хан, и никакого другого государя мы не признаем!». Поставив на документе печать, они вручили его Гули-хану, а затем торжества и веселье продолжались много дней и его возвели на престол¹³¹.

Когда все это закончилось, Гули-хан отправил к падишаху османов султану Махмуду послов и попросил его возвратить пленных иранцев. Султан с почетом принял иранских послов и разослал по всем своим владениям приказы об освобождении иранских пленников и возвращении их на родину. Почти все иранские пленники были возвращены, и между иранцами и османами было заключено соглашение о мире¹³².

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Речь идет о третьем сыне иранского шаха Хусейна I (1694-1722) Тахмасиб-мирзе, будущем шахе Тахмасиб-II (1722— 1732), которому удалось бежать из Исфагана, осажденного афганцами в июне 1722 г. Он объявил себя шахом в ноябре 1722 г. в Казвине.
2. Речь идет об афганцах-гильзаях, восставших под руководством МирВейса в 1709 г. против сефевидов. В 1717-1725 гг афганцами правил сын Мир Вейса Махмуд.
3. Город Мцхета расположен к северо-западу от Тбилиси у впадения р. Арагви в Куру.
4. Афганцы захватили Исфахан 22 октября 1722 г. 25 октября Махмуд занял престол иранских шахов.
5. В дальнейшем шах Тахмасп, испугавшись захвата Тебриза турками, бежал в Ардабиль.
6. Вахтанг-хан в 1703—1711 гг. был наместником в Картли, в 1711—1714 гг. был царем Картли и одновременно наместником иранского шаха в Грузии. В 1714 г. отказался принять ислам, за что был свергнут с престола, но когда в 1719 г. ему сделали обрезание и он стал «мусульманином», то снова занял престол Картли.
7. Мехмед (Мухаммад) Гули-ханом звали царя Кахетии Константина III. Был ярым шиитом, личным врагом Вахтанга и России. В 1723 г. шах Тахмасп сместил по его настоянию Вахтанга и Мехмед Гули-хан стал царем Картли, наместником шаха в Грузии, а также правителем Иревана.
8. Сражение войск Вахтанга VI с Мехмед Гули-ханом произошло недалеко от Казаха, где-то близ Красного моста.
9. Весной 1723 г. Мехмед Гули-хан с помощью лезгин нанес два мощных удара по Мцхете. Город был захвачен, разграблен и разрушен. Вахтанг покинул Картли 15 июля 1724 г. Умер он в изгнании в России в 1737 г.
10. Сын Вахтанга VI Бакар носил иранское имя Шахнаваз. В 1716 г. он был наместником царя в Картли, заменяя отца, находившегося до 1719 г. в Иране. За короткое время сотрудничества с турками Шахнаваз-Бакар стал именоваться Ибрахим-беем. Шахнаваз бежал от турок в Осетию, а оттуда в Москву.
11. Османский султан Ахмед III правил в 1703—1730 гг.
12. Автор путает, здесь речь идет о сардаре Ибрахим-паше.
13. Сардар (то же что сераскер) — титул командующего действующей армии.
14. Здесь речь идет о Арифиде Ахмед-паше, назначенном сардаром вместо смещенного султаном Ибрахим-паши.
15. Речь идет о западном Арпачае, впадающем в Араз южнее карсского Нахчывана.
16. Речь идет о видном армянском деятеле того времени жившем в Стамбуле - Сегпестросе Иреванцяне (ум. в 1754 г.).
17. Кутахья (Кутахия) — центр вилайета в Зап. Анатолии (Турция).
18. Цитадель Иревана была взята османами 28 сентября 1724 г.
19. Суфиян расположен юго-восточнее Маранда, по дороге в Тебриз.
20. Тебриз был взят османами 28 июля 1725 г.
21. Локализовать Кечи-кале не удалось.
22. Дарказин расположен северо-восточнее Хамадана по дороге на Казвин.
23. Шах Аббас I из династии Сефевидов правил в 1587-1629 гг.
24. Жители Дарказина были суннитами.
25. Командующий афганцами Махмуд решил выселить из Исфахана шиитов и поселить вместо них суннитов из Дарказина.
26. Все эти курдские племена проживали (да и сейчас живут) в северо-восточной части современного Ирака.
27. Казов - совр. Казания, близ ирако-иранской границы.
28. Касра - совр. Каср-е Ширин, северо-восточнее Ханикина.
29. Керем - совр. Керинд западнее Керманшаха (Иран).
30. Керманшах - город на юго-западе Ирана.
31. Бисутун - городок восточнее Керманшаха.
32. Сахана - восточнее Бисутуна.
33. Кангавар - город на половине пути между Керманшахом и Хамаданом.
34. Сайдова - совр. Асадабад.
35. Хамадан был взят 31 августа 1724 г.
36. Мултан - провинция в совр. Пакистане.

37. Зафран локализовать не удалось.
38. Эти события происходили в октябре 1726 г.
39. По мнению турецких историков, в поражении турецких войск были повинны курдские ополченцы.
40. Султан Ашраф правил в 1725-1729 гг.
41. Речь идет о будущем Надир-шахе.
42. Литр - от греческого литрон - припл. 0,5 кг.
43. После того, как Надир убрал самого сильного своего противника Фатх Али-хана, он назначил себя корчибаши (главно-командующим) и шах Тахмасп полностью подчинился ему во всем.
44. Действуя от имени шаха Тахмаспа, Надир в течение 1726-1729 гг. захватил и подчинил себе Хорасан (Мешхед), Каин, Санган, Бихдадин, Сабзавар, Герат и другие области и города.
45. Тахмасп занял престол 29 ноября 1729 г.
46. Шираз - столица области Фарс.
47. Река Аб-и Кур впадает в оз. Дарья-и Махалу.
48. Иезд — город в области Фарс.
49. Большой отряд османских войск под командованием Тимур-паши находился в Иезде по требованию султана Ашрафа. Отряд этот был направлен сюда наместником турецкого султана в Багдаде Ахмед-пашой.
50. Город Мешхед расположен в северо-восточной части Ирана.
51. Гилян - иранская провинция, примыкающая к южному побережью Каспийского моря.
52. Амид (совр. Дийарбакыр) - центр вилайета в Турции.
53. Муш - город в Турции западнее оз. Ван.
54. Урфа - город в Южной Анатолии (Турция).
55. Улукерд - здесь речь идет о городе Буруджирде.
56. Садразамом в это время был Дамад Ибрахим-паша Невше-хирли. Алипаша Хакимоглу (1689-1758) занимал этот пост до 1733 г.
57. Хамадан был взят Тахмасп Гули-ханом 18 июня 1730 г.
58. Кесе - 500 курушей.
59. Зунуз локализовать не удалось.
60. Сакыз расположен юго-восточнее оз. Урмия (Иран).
61. Маранд - город в Южном Азербайджане, на полпути между Джульфой и Тебризом.
62. Тебриз был взят иранцами 12 августа 1730 г.
63. Герат - город на западе Афганистана.
64. Речь идет о племенах галчаев, живущих в Бадахшане и Ваханской долине.
65. После захвата Герата Надир-шах переселил Аллахйар-хана со всеми его подданными в Мултан. 60 тысяч человек из племени абдали Надир переселил в Хорасан, Нишапур и Дамган.
66. Надир, не доверяя иранцам, укрепил свое войско за счет верных ему туркмен и воинов из афшарских племен.
67. В это время Бухарой, Ферганой и Бадахшаном правил хан Абу-л-Фейз (1711—1747).
68. Надир подчинил себе узбеков в 1740 г.
69. Садразам Дамад Ибрахим-паша был казнен в 1730 г. Вместо него садразамом был назначен Силахдар Мехмед-паша.
70. В тексте на поле рукописи добавлено: «Вместо нынешнего султана они возвели на престол его брата Махмуда».
71. Сипахии - представители военно-феодалного сословия, владельцы тимаров и зеаметов. Сипахии обязаны были являться на войну вместе со своими латниками (джебелями). Сипахии были основной силой в армии османов.
72. Договор этот был заключен в 1732 г.
73. Речь идет о вожде афганского племени Абдали.
74. Казвин - город в Иране, расположен к юго-западу от побережья Каспийского моря.
75. Каландар - должностное лицо в Иране, назначаемое шахом. В его функции входило назначение старост в городах, старейшин в цехах, распределение доходов, рассмотрение жалоб и т.д.
76. Это произошло 22 августа 1732 г.
77. Малолетний Аббас III числился шахом в 1732-1736 гг.
78. Кочевое племя бахтияров обитало на юге Ирана. Зона их расселения была ограничена на востоке горами между Баруджирдом и Чахар-Махалом, на западе отрогами гор в районе Дизфуля, Шуштера и Рам-Хурмуза, на севере рекой Дизфул и на юге линией Дех-Иур-Кумише.

79. Река Карун впадает в Басрийский залив.
80. Коричии (Корчи, Коручу) - сефевидские гвардейцы, высланные Надир-шахом на юг Ирана.
81. Майдас - совр. Махидешт по дороге из Керманшаха на Керинд.
82. Хасанова - соврем. Хасанабад на той же дороге.
83. Речь идет о перевале близ поселков Миантаг и Халата.
84. Казов может быть идентифицирован в Кала-Сабза на Ирако-иранской границе.
85. Река Зангара-су один из притоков реки Диялы.
86. Керкук - город на северо-востоке Ирака.
87. Лейлан - городок к юго-востоку от Керкука.
88. Кара-тепе - городок к северу от Багдада.
89. Кызрабад - городок к юго-западу от Ханекина (Ирак).
90. Мандала - город в Ираке, близ границы с Ираном.
91. Хилла - город в Ираке, южнее Багдада.
92. Это может быть городок Имам Хизр.
93. Садик-су - река протекающая между Багдадом и Казимайном.
94. Имам Муса - это Казимайн, где находится гробница шиитского имама Мусы Казима.
95. Каршыяка - может быть пригородом Багдада Карх.
96. Окка - мера веса равная 1282 г.; Марчил - искаженное название марки. К. Патканов определяет один марчил в 60 русских копеек.
97. Ниневия - развалины находятся близ Мосула (совр. Коюнджук).
98. Юнусом может быть городок Ганаус, южнее Мосула.
99. Османский султан Махмуд I правил в 1730-1754 гг.
100. В османской армии было 80 тысяч воинов из Румелии.
101. Топал Осман-паша - один из видных садразамов Османского государства (1664—1733). Убит в сражении с Надир-шахом.
102. Ахмед-паша, зная о приближении войск Топал Осман-паши, просил у Надира отсрочки для сдачи Багдада до 13 июля 1733 г.
103. В этом сражении иранцы потеряли убитыми 30 тысяч воинов, в плен попало 3 тысячи человек. В руки османов попали все орудия иранцев и масса снаряжения. Османы потеряли убитыми 20 тысяч человек.
104. Потери османов в этом сражении составили убитыми и пленными около 20 тысяч человек.
105. Надир отдал голову и тело убитого Топал Осман-паши кадию османов Абдулкасиму Эфенди, тоже взятому в плен иранцами, который увез останки паши в Багдад.
106. Согласно перемирию, заключенному между Ахмед-пашой и Надир-шахом 9 декабря 1733 г. Ирану должны быть возвращены Иреван, Гянджа, Ширван, Тифлис, и Кахетия; должны были быть восстановлены границы по договору 1639 г.; должен быть произведен обмен пленными, возвращены захваченные пушки, паломники, идущие из Ирана к святым местам в Ираке, не должны притесняться. Этот договор был утвержден султаном Турции.
107. Хувейза - городок в вост. Ираке.
108. Чимлу локализовать не удалось.
109. Белунджи - в Иране обитают в Кермане.
110. Область Бендер локализуется в южном Иране, на землях прилегающих к Ормузскому проливу.
111. Локализовать крепость Айваз не удалось.
112. Речь идет о Симеоне Абрамове, назначенном Петром I в 1720 г. консулом в Реште.
113. Речь идет о князе Сергее Дмитриевиче Голицыне.
114. Джульфа - городок к югу от Исфахан.
115. Иреван был сдан османами 3 октября 1735 г.
116. Эти населенные пункты могли находиться близ оз. Гей-гель.
117. Гянджа была взята иранцами 9 июля 1735 г.
118. Подробности о Хаджи Давуд-беке см. Ф. М. Алиев. Антииранские выступления. Баку, 1975.
119. Это произошло 6 октября 1735 г.
120. Впоследствии Зохраб (царь Кахетии Теймурз II) отправил к Надир-шаху своего сына Ираклия и дочь Кетеван.
121. Эчмиадзин - городок близ Иревана, место пребывания армянского каталикоса.
122. У османов было 80 тысяч войск, а у иранцев от 40 до 50 тысяч.

123. Речь идет о Талыне, близ горы Бёюк Бугутлу, на левом берегу р. Арпачай.
  124. Долина Магара находится где-то на левобережье Арпачая.
  125. Городок Супадан находится восточнее Карса, у подножья горы Бёюк Ягны.
  126. Манкерд - это Медженкерд, по дороге на Хасанкала (Турция).
  127. Хасанкала - город по дороге на Эрзрум (Турция).
  128. Сражение это состоялось 14 июня 1735 г. Надир-шах передал тело убитого в сражении Абдулла-паши османам.
  129. Речь идет об озере Ван.
  130. Автор перепутал название местности, где проходил так называемый курултай Надира.
- Речь идет о Муганчёле, т. е. Муганской степи.
131. Курултай на Мугани длился с 3 января по 23 февраля 1736 г.
  132. Это соглашение о мире было заключено 2 сентября 1736 г.